

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Бурятский государственный университет»

На правах рукописи

Жданова Надежда Александровна
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКО-КИТАЙСКИЙ ПИДЖИН ЗАБАЙКАЛЬЯ В
СТРУКТУРНО-СИСТЕМНОМ И КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТАХ
(на материале речи китайского этнолекта)

10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Майоров Александр Петрович

Улан-Удэ – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Пиджин как одна из своеобразных форм межъязыковых контактов	15
1.1 Языковые контакты в современной лингвистике	15
1.2. Языки межэтнического общения: лингва франка, койне, пиджины	19
1.3. Креолизация пиджинов и креольские языки	21
1.4 Понятие пиджина	22
1.5 Русские пиджины	26
1.5.1 Русско-норвежский пиджин (руссенорск)	30
1.5.2 Таймырский пиджин (говорка)	35
1.5.3 Русско-китайский (сибирский) пиджин	38
1.6 Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в социолингвистическом аспекте	46
1.7 Современный русско-китайский пиджин Забайкалья среди других форм контактных языков	51
1.7.1 Субстративные явления	56
1.7.2 Суперстративные явления	57
Выводы по главе 1	61
ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЙ РУССКО-КИТАЙСКИЙ ПИДЖИН ЗАБАЙКАЛЬЯ В СТРУКТУРНО-СИСТЕМНОМ АСПЕКТЕ	63
2.1 Фонетические особенности	63

2.2 Грамматические особенности	65
2.2.1 Части речи в пиджине	66
2.2.2 Словоизменение в пиджине	68
2.2.3 Экспансия формы именительного падежа в русско-китайском пиджине Забайкалья	71
2.3 Словообразовательные особенности	74
2.4 Лексические особенности	75
2.5 Синтаксические особенности	80
Выводы по главе 2	87
ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННЫЙ РУССКО-КИТАЙСКИЙ ПИДЖИН ЗАБАЙКАЛЬЯ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ	89
3.1 Теория коммуникации. Компоненты речевого акта	89
3.2 Коммуникативные приемы и языковые средства воздействия в речи на современном русско-китайском пиджине Забайкалья	91
3.3 Фразовые частицы как способ выражения модальности в современном русско-китайском пиджине Забайкалья.	98
Выводы по главе 3	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	112
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	117
Приложение	140

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена упрощенной форме языка – русско-китайскому пиджину Забайкалья, складывающемуся за последние два десятилетия в процессе русско-китайской приграничной торговли.

Начало российско-китайскому взаимодействию было положено в середине XVII века. Сближение территорий Российского государства и Цинской империи вследствие расширения границ обеих стран в процессе освоения Россией Сибири и Дальнего Востока, а Китаем – западных и северных районов, предопределило зарождение русско-китайских контактов: политических, экономических и, безусловно, языковых.

Русско-китайский пиджин изначально возник и функционировал в Забайкалье в районе русского города Кяхта и китайского города Маймачин (Маймачен) в первой половине 18-го века. Использовался он при совершении торговых сделок и был обязателен для китайцев. В. И. Беликов утверждает, что этот пиджин до конца 19-го века широко распространился за пределы Маймачина-Кяхты. Он возникал в местах активного социального контактирования русских и других населявших Дальний Восток народов, в первую очередь китайцев [Беликов, 1997].

Поэтому в работах исследователей – Беликова В. И., Оглезневой Е. А., Перехвальской Е. В. и др., выделяются две основные разновидности русско-китайского пиджина: кяхтинская и дальневосточная, которые хронологически разделены более чем столетием: дальневосточная разновидность возникла во второй половине 19 в. Ее возникновение связано с переходом Приамурья и Приморья от Китая к России, а также с освоением Маньчжурии русскими при строительстве КВЖД и основании Харбина. Вплоть до «культурной революции» 60-х годов русско-китайский пиджин использовался в качестве средства коммуникации в Маньчжурии и на Дальнем Востоке.

Е. А. Оглезнева выделяет 5 территориально-хронологических вариантов пиджина:

1. Маймачинское (кяхтинское) наречие XVIII-XIX вв.
2. Русско-китайский пиджин конца XIX-нач. XX вв. (дореволюционный)
конец XIX-нач. XX
3. Русско-китайский пиджин 20-30-х гг. XX в. (послереволюционный)
20-30-е гг. XXв
4. Харбинский вариант русско-китайского пиджина нач. и сер. XX
5. Современный русско-китайский пиджин 90-е гг. XX-10-е гг. XXI в.

Объектом нашего внимания является современный русско-китайский пиджин, который составляет яркую черту дальневосточного региона, его языковую специфику.

Образование пиджинов, креольских языков и других форм межъязыковых контактов является одним из следствий процесса глобализации, представляющего собой одну из ярких примет развития современного мира. Усиление межэтнических и межъязыковых контактов способствуют их стремительному развитию. Актуальная задача современной лингвистики – описать эти необычные языковые образования, определить их место в кругу других социолингвистических явлений.

Таким образом, **актуальность** нашего исследования предопределена интересом современной лингвистики к зонам межъязыковых взаимодействий, изучению существования языков в условиях языкового контакта.

Проблема изучения пиджина заключается в смешении фундаментального, собственно лингвистического подхода с лингводидактическим, связанным с методикой преподавания того или иного языка как иностранного. В связи с этим актуальным представляется структурно-системный аспект исследования пиджина, позволяющий строго идентифицировать релевантные лингвистические черты этого своеобразного социолингвистического идиома.

В работе развиваются такие теоретические положения современной лингвистики, которой свойственны антропоцентризм, функциональность, коммуникативность, междисциплинарный подход к анализу лингвистических явлений. Основные теоретические положения находят отражение в работе в приложении к конкретному языковому материалу – речи китайского и русского этнолектов на современном русско-китайском пиджине Забайкалья.

Недостаточная изученность русских пиджинов, в том числе русско-китайского пиджина Забайкалья [Забайкальско-маньчжурского препиджина: термин Ян Цзе], а также практически полное отсутствие исследований, посвященных выявлению его языковых особенностей на различных уровнях, усиливают актуальность работы.

Исследование данного пиджина позволяет выявить особенности взаимодействия русского и китайского языков на территории Забайкалья и приграничного Китая, как в лингвистическом, так и в социолингвистическом плане. Введение в научный оборот нового речевого материала также является актуальной и, возможно, наиболее важной задачей современной лингвистики, поскольку расширяет источниковедческую базу для исследования межъязыковых контактов, а также проливает свет на вопросы происхождения и развития языка в целом.

Объект исследования – современный русско-китайский пиджин Забайкалья.

Предмет исследования – фонетические, морфологические, синтаксические, словообразовательные и лексические черты забайкальского русско-китайского пиджина., а также функционально-коммуникативные особенности его реализации в бизнес среде.

Цель данной работы состоит в описании современного русско-китайского пиджина, функционирующего на территории Забайкалья, в выявлении его специфических черт на всех языковых уровнях а также характеристике особенностей его использования в торговой сфере.

Цель исследования определяет следующие **задачи**:

- 1) охарактеризовать пиджин как одну из своеобразных форм межъязыковых контактов;
- 2) рассмотреть историю формирования русско-китайского пиджина, функционирующего на территории Забайкалья;
- 3) исследовать современное состояние данного пиджина;
- 4) определить место данного пиджина среди других форм современных контактных языков;
- 5) выявить и описать типичные признаки исследуемого пиджина в фонетике, морфологии существительного, глагола, прилагательного, словообразовании, синтаксисе и лексике;
- 6) проанализировать факты упрощенности грамматической структуры пиджина на примере экспансии форм именительного падежа;
- 7) рассмотреть русско-китайский пиджин Забайкалья в свете его функционирования в торговой коммуникации, выделить коммуникативные приемы речевого воздействия и обслуживающие их языковые и речевые средства, используемые носителями пиджина – китайскими продавцами, в ситуации рыночной торговли.

В работе исследуется речь китайского этнолекта на современном русско-китайском пиджине Забайкалья.

Источниками для его изучения стали устные материалы, которые представлены записями речи информантов – китайцев, проживающих и ведущих профессиональную (чаще торговую) деятельность на приграничных территориях – в г. Улан-Удэ и г. Маньчжурии. Аудиозаписи были осуществлены с помощью цифрового диктофона Olympus VN-8600PC в 2011-2012 гг. Общая продолжительность – 8 часов звучания, составившие более 50-ти страниц расшифрованного текста.

Методологической базой исследования послужили труды В. А. Виноградова, А. Г. Шпринцина, Е. А. Хелимского, В. И. Беликова, Л. П. Крысина, Е. В. Перехвальской, Е. А. Оглезневой, Е. А. Земской, Ян Цзе.

Степень разработанности проблемы. Креолистика зародилась в конце XIX века. Но выделилась в самостоятельное направление в лингвистике в 50-е годы XX века после выхода диссертации У. Вайнрайха «Языковые контакты». С тех пор исследователи стали уделять пристальное внимание контактному языку. В частности, в 1959 и 1968 в университете Вест-Индии на Ямайке состоялись международные лингвистические конференции по креольским языкам и пиджинами. Особенно активно исследования языковых контактов стали проводиться с 1970-х годов, когда западные лингвисты пришли к осознанию того, что процессы пиджинизации и креолизации языков могут являться важным источником сведений о происхождении языка и о формировании грамматических категорий [Дьячков, 1987]. Анализом креольских языков занимались такие ученые как Д. Бикертон, Т. Гивон, Г. Шухардт, Н. Я. Марр, Л. Блумфилд, Д. Рейнеке, Т. Наварро Томас, Д. Липски, Ф. Дэйнеелс Гудман.

В результате появились многочисленные обобщающие работы по контактному языку и по проблематике языковых контактов в целом. При этом исследовались в основном пиджины, креольские и смешанные языки на основе западноевропейских языков – прежде всего, английского, французского и португальского. Все эти языки рождались в сходных условиях: чаще всего, в процессе работорговли и подневольного труда [Перехвальская, 2006]. К пиджинам восходят десятки креольских языков Карибского бассейна, прибрежных районов Африки, Азии, Океании. На них в основном и был сосредоточен интерес креолистов.

Как и другие подобные идиомы, «русские пиджины» долго не привлекали внимания исследователей. Соответствующие формы считались «испорченной, ломаной» речью, лишенной внутренней логики, и, следовательно, не представляющей интереса для науки.

Первое упоминание о существовании в приграничной Кяхте особого «торгового языка» появилось в очерках Е. Ф. Тимковского, который сообщал, что появился особый язык, представляющий собой «сильно испорченный русский» – «смешанное наречие, на коем производят важные коммерческие дела

Шааньсийцы на Кяхте с нашими купцами, которые никогда не учатся по-китайски» [Тимковский, 1824 с.180-181].

Кяхтинский вариант первым привлек внимание лингвистов, что было следствием высокой степени его стандартизации. Стандартизация этого идиома происходила сознательно с китайской стороны: купцам вменялось изучение «русского языка», т.е. пиджина, в их распоряжении имелись соответствующие разговорники и словари, где слова записывались китайскими иероглифами [Александров, 1884 с.160]. Благодаря этому кяхтинский вариант был «открыт» языковедами. Ему были посвящены первые три очерка по русским пиджинам (статьи С. Н. Черепанова, А. А. Александрова, Г. Шухардта). Одновременно в ненаучной литературе появляются произведения, содержащих цитации речи на пиджине. Из этих произведений мы узнаём, что русские пиджины существовали не только в Кяхте и Маймачине – сходные формы использовались при контактах с другими народами России. При этом в структурном отношении, равно как и в отношении лексического состава, эти языки оказываются очень сходными между собой, а также с кяхтинским языком.

С 1930-х гг. XX века практически одновременно вышли работы, посвященные двум русским пиджинам – русско-норвежскому и русско-китайскому языкам [Broch, 1927; Broch, 1930; Врубель, 1931]. О. Брок собрал и опубликовал все известные к тому времени материалы по руссенорску. Статья С. А. Врубеля, написанная в русле «нового учения о языке», касалась китайского этнолекта сибирского пиджина. Статья Врубеля дала толчок к сбору материалов по русскому пиджину А. Г. Шпринцыным; его материалы не были опубликованы в полном объеме и хранятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ).

В 1957 г. вышла статья А. Яблонской, посвященная пиджину, употреблявшемуся вдоль КВЖД и в г. Харбине, в которой рассматриваются в первую очередь фонетические особенности различных этнолектов (китайского и «европейского»). В 1968 г. появилась статья А. Г. Шпринцына о китайско-русском пиджине Владивостока, где впервые было проведено систематическое

описание этого идиома, и опровергались некоторые положения А. Яблонской. Русские пиджины фиксировались и в ненаучной литературе (В. К. Арсеньев, И. Арамилев, Б. Ш. Бронский, С. Бытовой, Ю. Б. Симченко, А. Фадеев, А. М. Хазанович, А. Шелудяков, В. Я. Шишков и др.).

В целом изучение русских пиджинов до 1970-х гг. велось в русле фиксации наиболее показательных черт: отсутствие флективной морфологии, особенности фонетики, совмещение форм личных и притяжательных местоимений, единая глагольная форма и др. Систематический анализ грамматики не проводился.

Со становлением креолистики и превращением ее в отдельную дисциплину в изучении пиджинов случился перелом. Новые идеи, разработанные на материале прежде всего «атлантических креольских языков», примеривались и к русским пиджинам. Как отражение этих идей в 1974 г. вышла статья И. Ш. Козинского «К вопросу о происхождении кяхтинского (русско-китайского) языка», где автор постулировал моногенез всех русских пиджинов из «средневекового языка “общения с инородцами”». В 1976 г. появилась статья Г. Ноймана, посвященная грамматическим особенностям кяхтинского варианта (в его распоряжении были только материалы Черепанова).

Новые тенденции в изучении русских пиджинов появились в ходе Рабочего совещания по возникновению и функционированию контактных языков (М, 1986). Появились исследования, введившие в научный оборот новый материал (доклады Е. А. Хелимского о таймырском пиджине; Е. В. Головки и Н. Б. Вахтина о смешанном языке алеутов о. Медный). В последующие годы на Дальнем Востоке было записано значительное количество говорящих на пиджине, в том числе Перехвальской Е. В. в 1985 году [Перехвальская, 2006].

В 2007 году вышла монография Оглезневой Е. А. «Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания», посвященная одному из русских пиджинов – русско-китайскому, активно функционирующему на территории современного Дальнего Востока. В ней автор рассматривала различные территориально-хронологические варианты русско-китайского пиджина, который возникал на протяжении трех столетий в местах активного

русско-китайского и русско-аборигенного взаимодействия: кяхтинский, харбинский и дальневосточный.

В 2008 году появилась монография Е. В. Перехвальской, в которой автором было проведено систематическое описание грамматического строя и лексического состава сибирского пиджина в его дальневосточном варианте, в сопоставлении с другими пиджинами, которые возникли на русской лексической основе.

Что касается предмета нашего изучения – современного русско-китайского пиджина Забайкалья, ему была посвящена статья китайского исследователя Ян Цзе, вышедшая в 2007 году в «Вопросах языкознания». В этой статье автор впервые указал на факт рождения данного идиома и представил науке новую этимологию термина «пиджин». Кроме того, данный пиджин рассматривался в статье Т. А. Постновой «Современный забайкальско-маньчжурский пиджин как социокультурный феномен», в которой автор опровергает мнение ряда исследователей, в частности В. И. Беликова [Беликов, 1997 с.90-108], о низкой значимости и вспомогательной роли данного пиджина как языка сугубо бытового общения.

Таким образом, существующий в настоящее время русско-китайский пиджин в его забайкальско-маньчжурской версии на сегодняшний день исследуется слабо – большинство исследований посвящено традиционной форме пиджина, бытовавшей до недавнего времени в среде русской общины в Китае.

Вот что пишет по этому поводу В. И. Беликов в своем отзыве на статью Ян Цзе, в которой впервые был описан данный пиджин: «Новый контактный феномен пятнадцать (или чуть более) лет существует, а отечественные специалисты им пока манкируют. Об отношении к схожему лингвистическому материалу 10 лет назад я писал: „До сих пор специалисты проходят мимо этого материала, и дело не только в том, что русисты с ним сталкиваются редко <...> Главная причина — пренебрежение к «малограмотной речи», «исковерканному» русскому языку“ [Беликов, 1997 с.90-108]. За прошедшее время в русской лингвистике ничего не изменилось, по крайней мере статья Ян Цзе – пока

единственный известный нам текст о нарождающейся новой версии русско-китайского пиджина. Можно надеяться, что она привлечет внимание русистов Забайкалья, Амурской области и Приморья к изучению этого феномена на российской территории» [Беликов, 2008].

Научная новизна результатов проведенного исследования заключается в том, что:

1. впервые описано явление современного русско-китайского пиджина Забайкалья;
2. исследована и описана языковая ситуация Забайкалья, в условиях которой зародился и существует пиджин;
3. впервые исследуются специфические черты пиджина на всех языковых уровнях;
4. современный русско-китайский пиджин Забайкалья впервые рассматривается в коммуникативном аспекте.

В процессе работы использовались различные **методы исследования**:

- 1) метод наблюдения в сочетании с распространенным социолингвистическим методом интервьюирования при сборе материала в условиях полевого исследования (информанты – китайские торговцы (Улан-Удэ, Маньчжурия);
- 2) метод лингвистического описания и анализа языковых фактов;
- 3) общенаучные приемы систематизации, сравнения, обобщения, интерпретации, классификации;
- 4) метод социолингвистического анализа с целью обнаружения социальных факторов, влияющих на формирование языковой ситуации в условиях межъязыкового контакта;
- 5) сравнительно-типологический метод с целью сопоставления русского и китайского языков с точки зрения их генезиса и типологии.

Теоретическая значимость работы.

Результаты проведенного исследования значимы для языкознания и вносят вклад в теорию языковых контактов (креолистики) и межъязыковой

интерференции, так как выявлены особенности взаимодействия языковых систем двух типологически различных языков – русского и китайского. При этом исследованы как социальные условия такого контактирования, так и процессы, происходящие в пиджине, являющимся следствием такого взаимовлияния, на разных языковых уровнях.

Исследование вносит вклад в теорию социолингвистики, так как затрагивает область изучения языковых контактов, демонстрируя языковую ситуацию, представляющую собой пример взаимодействия языков, различных по демографической и коммуникативной мощности, функционально неравнозначных и структурно-генетически различных.

Работа значима и для теории речевой коммуникации, так как выявлены основные коммуникативные приемы речевого воздействия в процессе торговли на примере речи на пиджине.

Исследование пиджинов, смешанных и креольских языков имеет важное значение для общего языкознания в целом. Изучение пиджинов помогает раскрыть природу языковых контактов, являющихся одной из важнейших причин языковых изменений. Кроме того, возникновение пиджинов, формирование на их основе креольских языков можно рассматривать как модель «возникновения нового языка». Исследование становления таких языков может пролить свет на понимание сущности языка, его природы и генезиса.

Практическая значимость работы.

Результаты проведенного исследования могут использоваться в преподавании лингвистических и смежных с лингвистикой дисциплин в высшей школе: социолингвистика, креолистика, языкознание, культурология, русский язык как иностранный, психология общения и др.

Методы и приемы анализа пиджина Забайкалья, существующего в условиях русско-китайского языкового контакта на приграничных территориях, могут быть использованы при исследовании других языковых форм, находящихся в иных социокультурных обстоятельствах.

В прикладном аспекте результаты исследования, дополняя работы по лингводидактике, могут быть использованы при обучении русскому языку иностранцев, в частности, китайцев.

Исследование может быть использовано в качестве источника для дальнейшего изучения, так как содержит ценный устный материал.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Современный русско-китайский пиджин Забайкалья является новым вариантом русско-китайского пиджина, который зародился в связи с возобновлением и активизацией русско-китайских контактов в начале 90-х гг. XX в.;
2. Языковая ситуация, которая сформировалась на приграничной с Китаем территории в начале 90-х гг. XX в., выступает главным фактором зарождения феномена пиджина, как средства упрощенного языкового общения в условиях межъязыковых контактов;
3. Русско-китайский пиджин Забайкалья, имея под собой разговорную почву, характеризуется многими структурными чертами русской разговорной речи. Эти черты нами определяются как суперстративные явления в пиджине;
4. Грамматика пиджина не только отражает природу русской разговорной речи, но и стремится к стандартам языковой системы китайского языка, определяющего проявление различных субстративных черт в пиджине;
5. Функциональные черты современного русско-китайского пиджина Забайкалья – диалогичность, спонтанность, динамичность, специфика речевой ситуации в общении на пиджине в условиях торговли, необходимость использования приемов речевого воздействия на адресата для достижения коммуникативной цели (продажа товара) влияют на его синтаксис, формируют его стилистические особенности.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в 8 **публикациях** автора, в том числе 3 статьи опубликованы в ведущих журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК) для

опубликования результатов диссертационных исследований; 4 статьи опубликованы в журналах, входящих в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Кроме того, основные положения работы получили апробацию на научных студенческих конференциях БГУ (2011, 2013 гг.), на XIX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (10–11 апреля 2012 г. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 1 место), на Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Региональные варианты национального языка» (октябрь 2013, г. Улан-Удэ, БГУ).

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложения. Основное содержание работы изложено на 139 страницах. Иллюстративный материал включает в себя 8 страниц расшифрованного текста записей речи на исследуемом пиджине. Список использованной литературы составляет 225 наименований.

ГЛАВА 1. ПИДЖИН КАК ОДНА ИЗ СВОЕОБРАЗНЫХ ФОРМ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

1.1 Языковые контакты в современной лингвистике

Одним из важнейших факторов исторического развития языков являются **языковые контакты**. Существует отдельный раздел в социолингвистике, посвященный проблемам языкового контактирования – теория языковых контактов. Данный раздел изучает условия влияния одних языков на другие, процессы этого взаимовлияния, результаты языкового контактирования. При этом изучаются как социальные условия такого контактирования, так и процессы, происходящие в языках на разных языковых уровнях.

В ходе интенсивных межъязыковых контактов, когда у потенциальных собеседников нет специальных, взаимопонятных средств общения, а для решения коммуникативных задач элементарных жестов становится недостаточно, коммуниканты создают новое средство общения. Такое средство общения,

являющееся вспомогательным языком особой функциональной направленности, исследователи называют **контактным языком**.

Языки данного типа изучаются в рамках особого раздела лингвистики – **креолистики (контактологии)**, которая, в свою очередь, входит в состав более широкой дисциплины – **социолингвистики** в связи с тем, что специфика контактных языков целиком обусловлена социальными факторами. Ученые, работающие в данном направлении, изучают формирование, функционирование и дальнейшее развитие пиджинов, креольских и смешанных языков, которые объединяются ими в понятие «контактные языки».

Изучение данных языковых форм представляет немалый интерес для общего языкознания, так как способно пролить свет на многие вопросы, связанные с поисками причин и направлений языковых изменений.

В языкознании долгое время главенствовала мысль о том, что языкового смешения не существует, что влияние одного языка на другой является незначительным и ограничивается лексическими заимствованиями. Такие идеи были распространены в XIX в. прежде всего в сравнительно-историческом языкознании, в частности у представителей младограмматического направления (Г. Пауль, Ф. Ф. Фортунатов).

В ответ на данные представления младограмматиков постепенно стали появляться мнения о том, что интенсивные языковые контакты могут приводить к совершенно иным результатам.

В числе критиков младограмматической концепции языкового развития уже в начале XX века были Г. Шухардт и И. А. Бодуэн де Куртене.

«Бодуэн де Куртене вплотную подошел к пониманию языковых контактов как одной из причин языковых изменений» [Перехвальская, 2006 с.7]. В своих работах о языковых смешениях Бодуэн де Куртене упоминает и русские пиджины: «В последние века образовались пограничные смешенные говоры в тех

местах, где китайцам приходится сноситься с европейскими народами. Таково, между прочим, кяхтинское, или маймачинское, наречие русского и вместе с тем китайского языка; таковые же международные говоры английско-китайский и португальско-китайский» [Бодуэн де Куртенэ, 1963 с.366].

«Г. Шухардт по праву считается основоположником креолистики, хотя работы, посвященные креольским языкам, начали появляться значительно ранее. Тем не менее именно Шухардт одним из первых предложил объяснение того, как именно возникли подобные языки. Особенно его интересовал вопрос о том, каков вклад каждого из контактировавших языков в грамматику и словарный состав сложившегося креольского языка» [Перехвальская, 2006 с.8]. Однако Г. Шухардт занимался прежде всего креольскими языками (полноценными языками, отличающимися от других лишь своим контактным происхождением), пиджины его интересовали значительно меньше.

Таким образом, основы креолистики были заложены Г. Шухардтом еще к началу XX века, но как самостоятельное направление в лингвистике она стала развиваться лишь с 50-х гг. XX века, после выхода диссертации У. Вайнрайха «Языковые контакты».

Наиболее элементарный контактный язык обычно именуется **жаргоном**, однако этот термин используют не все креолисты; иногда первая фаза развития контактного языка называется **препиджином**, в других же случаях любой вспомогательный язык описываемого типа именуется **пиджином**, а начальная стадия его формирования – **ранним**, или **нестабильным пиджином**. В данной работе считаем целесообразным использовать термин **пиджин** в более широком значении, подразумевая под ним контактный язык в целом. В случае же акцентирования внимания на эволюционном аспекте данного языкового явления, мы будем использовать термины **препиджин** и **расширенный пиджин**.

Контактный язык не создается намеренно. «Он является результатом неудавшейся попытки выучить язык партнера по коммуникации. Препиджин

возникает как компромисс между плохо усвоенным вторым языком начинающих билингвов и «регистром для иностранца», который создается теми, для кого этот язык является родным» [Беликов, 2001 с.116-117].

Среди факторов, приводящих к возникновению пиджина, исследователи, в частности, Е. В. Перехвальская, называют следующие:

- 1) контакт двух или нескольких групп, не знающих языка друг друга;
- 2) стандартная контактная ситуация (торговля, обмен и т.п.);
- 3) ситуация контакта периодически повторяется;
- 4) пиджин не является родным ни для кого из говорящих [Перехвальская, 2006].

Тот факт, что у говорящих нет иного средства коммуникации (т.е. в коммуницирующих сообществах нет двуязычных индивидов) является главным условием для ситуации образования пиджина. Вторым важнейшим условием является отсутствие мотивации к изучению другого языка. Так возникает редуцированный пиджин, или, по-другому, жаргон.

Препиджины (жаргоны, редуцированные пиджины) недолговечны. «Если контингент говорящих на препиджине непостоянен, а потребность в его использовании возникает лишь от случая к случаю, он не достигает стабилизации и редко может существовать длительное время» [Беликов, 2001 с.119].

«На смену им приходят другие варианты языка: местные, национальные, часто очень интерферированные. Единичные пиджины расширяют сферу употребления, вместе с чем усложняется их грамматическая структура и словарь. Этот процесс носит название: **расширение** пиджина, а его результатом **является расширенный пиджин**. Это полноценный язык, отличающийся от других лишь тем, что нет людей, для которых он был бы родным. Пиджин, ставший родным языком некоторого коллектива, становится **креольским языком**» [Перехвальская, 2006, с.7].

В фокусе исследований креолистов находятся в основном пиджины, креольские и смешанные языки, возникшие на основе западноевропейских языков. Поэтому изучение пиджинов, которые возникли в других условиях, на основе языков иного типа, является очень важным для креолистики: оно может внести некоторые коррективы в понимание общих механизмов пиджинизации. В связи с этим, пиджины, возникшие на основе русского языка, представляют для исследователей особый интерес. Между тем пиджины, возникшие на русской основе, «русские пиджины» изучены недостаточно. В настоящее время интерес к ним стремительно возрастает, свидетельством чему являются активные изыскания в этой области Е. В. Перехвальской, Ян Цзе, Е. А. Оглезневой и других ученых, публикующих свои работы в центральных научных изданиях.

1.2. Языки межэтнического общения: лингва франка, койне, пиджины

Еще в дописьменные времена контакты разноязычных племен приводили к тому, что наиболее мобильные и интеллектуально активные мужчины овладевали чужим языком и, таким образом, выполняли функции переводчиков. Естественно, что в устном практическом общении чужой язык узнавался далеко не полностью; многое в нем стихийно упрощалось, разноязычные элементы сливались. Новые гибридные формы начинали использоваться в контактах и с другими соседями, в чем-то меняясь под воздействием их языков и меняя эти языки. Так складывались особые языки межэтнического общения: гибридные по происхождению, ограниченные по функции, не чужие вполне в своем регионе, но и мало кому родные, потому что выучивались не от матери, а в портах и на рынках. Различают несколько видов таких языков-посредников (лингва франка, койне, пиджины), однако эти понятия не вполне сопоставимы, так как связаны с разными аспектами в изучении языков-посредников [Мечковская, 2000].

Языки, которые называют **лингва франка** (от итал. *lingua franca* – франкский язык), – это преимущественно торговые языки, они используются носителями разных, в том числе генетически далеких, языков. Первоначально имя *лингва франка* называло конкретный гибридный язык, который сложился в

средние века в Восточном Средиземноморье на основе французской и итальянской лексики и использовался в общении арабских и турецких купцов с европейцами. В эпоху крестовых походов роль «лингва франка» возросла, он обогатился испанской, греческой, арабской, турецкой лексикой и использовался о XIX в. [ЛЭС, 1990 с.267].

В современной социолингвистике термином «лингва франка» называют любой устный язык-посредник в межэтническом общении. Лингва франка может восходить к языку одного из народов данного региона, однако большинство использующих его людей воспринимают его как нейтральный, "ничей", например, языки хауса и бамана в Западной Африке, упрощенные варианты суахили в Восточной и Центральной Африке).

С понятием **койне** (от греч. *koinos* – общий, употребительный) обычно связывают устные языки межплеменного и наддиалектного общения родственных этносов. В отличие от лингва франка койне шире по своим социальным функциям и этнодиалектической базе; его история более эволюционна и органична. Лингва франка, по мере расширения объема и сферы коммуникации, может стать койне. В свою очередь койне часто служит наддиалектной формой общения, предшествующей сложению литературного языка. Например, один из лингва франка Западной Африки, бамана, развился в койне в многоязычной республике Мали, где для него в 1967 году была разработана письменность. Он используется в начальной школе и признан официальным языком государства (наряду с французским).

Пиджины (от искаженного англ. *business* – дело) распространены в Юго-Восточной Азии, Океании, Африке, в бассейне Карибского моря. Это устные языки торговых и других деловых контактов, возникшие в результате смешения элементов какого-то европейского языка (английского, голландского, испанского, португальского или французского) и элементов аборигенного языка. В настоящее время известно свыше 50 пиджинов. По функции это лингва франка, т. е.

пиджины используются в контактах не только европейцев и аборигенов, но и в общении представителей разных этнических групп местного населения.

Сложение пиджина отличается от обычного языкового смешения, во-первых, своей интенсивностью и, во-вторых, уровневым распределением языковых средств из разных языков: у пиджина туземные фонетика, грамматика, словообразование и европейская лексика. Некоторым аналогом процессов, ведущих к сложению пиджинов, могут быть такие интерферентные явления в русской речи иммигрантов в англоязычной среде, как *забуковала тикеты* ('заказала билеты', англ. *to book tickets*), в *инчах* ('в дюймах', англ. *inch*), на *сэйле* ('на распродаже', англ. *sale*); ср. также пародийную фразу аналогичного происхождения: *Клёвые блуёвые трузера с двумя покитами на бэксайде* (т. е. 'клёвые синие брюки с двумя карманами сзади) [Мечковская, 2000].

Пиджины функционально ограничены: они используются только в деловом межэтническом общении и не имеют коллектива исконных носителей. Но это им свойственно до процессов креолизации.

1.3. Креолизация пиджинов и креольские языки

Некоторые из пиджинов расширяют свои коммуникативные функции. Если первоначально это языки общения европейцев и аборигенов, то позже их начинают использовать местные этносы для общения между собой; далее возможно развитие такого вспомогательного языка-посредника в основной язык одного или нескольких этносов или новой этнической общности. При этом усложняется его структура, расширяется словарь, то есть пиджин превращается в «нормальный» язык. Для молодого поколения этноса пиджин оказывается, таким образом, родным (материнским) языком. Пиджин, ставший родным для определенного этноса, называется *креольским языком*. Примерами креольских языков, ставших официальными или этнически значимыми, могут служить возникшие на английской основе языки государства Папуа — Новая Гвинея — ток-писин и хири-моту; язык крио в Сьерра-Леоне; язык сранатонга в

южноамериканской республике Суринаме. Креольские языки на французской основе сложились на Гаити и Мартинике, на португальской основе — на Островах Зеленого Мыса и острове Кюрасао, на испанской — на Филиппинах.

Ток-писин (англ. *tok pidgin*, т. е. 'разговор на пиджине', или новогвинейский пиджин, восходит к плантационным пиджинам. Как самостоятельный язык сложился в конце XIX в., стал родным для нескольких десятков тысяч человек, но общее число говорящих около 3 миллионов. Официальный язык Папуа — Новая Гвинея (наряду с английским и хири-моту), основной рабочий язык парламента и администрации, язык церкви, радио, телевидения, школы, с 1960-х гг. — язык оригинальной художественной литературы [ЛЭС, 1990 с.514].

Особой чертой пиджинов и креольских языков является их сильное структурное сходство: развившиеся из разных европейских и неевропейских языков, они обнаруживают много общего, причем не только в лексике, но и в синтаксисе и фонологии [Белл, 1980 с.209]. Как все языки, возникшие в результате интенсивной гибридизации, пиджины относятся к языкам аналитического грамматического строя [Мечковская, 2000 с.179-183].

1.4 Понятие пиджина

По определению Е. В. Перехвальской пиджин – «это редуцированный идиом, не имеющий коллектива собственных носителей, часто не воспринимающийся самими говорящими как «язык»; он служит вспомогательным средством коммуникации, спонтанно возникающим в стандартных коммуникативных ситуациях» [Перехвальская, 2006 с.4].

В. А. Виноградов определяет данное понятие несколько иначе. По его мнению, пиджин – «это структурно-функциональный тип языков, не имеющих коллектива исконных носителей и развившихся путем существенного упрощения структуры языка-источника; используется как средство межэтнического общения в среде смешанного населения» [Виноградов, 1990 с.374].

Таким образом, пиджин – это контактный язык, имеющий особые условия для возникновения, определяющиеся не лингвистическими, а социолингвистическими параметрами.

В большинстве случаев пиджин не воспринимается как «язык» даже самими говорящими: обычно он считается девиантным диалектом и описывается как «исковерканный», «испорченный», «ломаный» язык. Такое пренебрежение к «неправильной» речи – основная причина малоизученности пиджинов на сегодняшний день.

Типичная ситуация возникновения данной языковой формы – торговля. «Пиджины возникают в условиях «экстремальных» языковых контактов, когда у двух или нескольких групп людей, которым необходимо договориться о чём-то конкретном, нет общего языка» [Перехвальская 2006, с.5].

Число носителей пиджина может быть очень различным – от группы людей, например, эскимосский французский пиджин, который использовался в восточной части современной Канады, до сотен тысяч и даже нескольких миллионов, как западно-африканский пиджин-инглиш в Нигерии. На языковом уровне «пиджинизация проявляется прежде всего в разрушении и упрощении сложных грамматических моделей языка-источника, развитии аналитизма и изоляции» [Виноградов, 1990 с.374].

Тем не менее, ошибочно было бы говорить об отсутствии у пиджинов грамматики или о редуцированной грамматической системе. То, что коммуниканты на пиджине понимают друг друга, свидетельствует об упорядоченности используемых ими языковых средств и, таким образом, о наличии, как минимум, простейшей грамматической системы. Конечно, грамматика пиджина гораздо проще грамматики «нормального» языка, но она не является результатом элементарного упрощения. Любой пиджин имеет свою собственную, пусть и несложную, грамматическую систему: коллектив его

носителей вырабатывает свою языковую норму, несмотря на то, что пиджин не является родным ни для кого из говорящих на нем.

Один из основных признаков пиджина – его ситуативное использование: пиджин представляет собой контактный язык и существует он, прежде всего, как язык торговли. На основе этого признака создана главная гипотеза о происхождении термина *пиджин*, связанная с искаженным английским словом *business* «дело» [Виноградов, 1990 с.374; Беликов, 2001 с.116]. Это английское слово произносилось как [pɪʒən] в пиджин-инглиш – английско-китайском контактном языке. Существует и другая теория. Ян Цзе, китайский исследователь, связывает слово *пиджин* с китайским выражением *пиджен/пичжен* – *bizhen* «очень похожий»: «Слово пиджин происходит не столько от английского языка, сколько от китайского языка и возникло в начале XVII века в результате влияния контактов языков китайского и русского» [Цзе, 2007 с.69]. Обе эти этимологии научно мотивированы, и поэтому обе имеют право на существование.

Однако у Ян Цзе в пользу этимологии слова *пиджин*, отличной от наиболее распространенной, возводящей данное слово к китайскому произношению слова *business*, представлены, на наш взгляд, более веские аргументы, в связи с чем его точка зрения на происхождение термина *пиджин* заслуживает отдельного внимания в нашей работе.

Ян Цзе пишет: «...«китайское восприятие» (даже достаточно искаженное) слова *business* будет фонологически и орфоэпически (в соответствии с фонетической системой, правилами употребления фонем и правилами произношения аллофонов фонем в китайском языке) звучать следующим образом: *пи-цзы-ни-сы* или *пи-сы-ни-сы*, и вряд ли как-то иначе. Кроме того, восприятие англичанами восприятия китайцами английского слова *business* как этимон для именованного редуцированного варианта языка наталкивается на семантические сложности. А вот английское (либо другое европейское) редуцированное восприятие китайского выражения *пиджен / пичжэн* - *bizhen* - 逼真 (в дословном

переводе: «очень похожий»), на наш взгляд, вполне могло стать основой этого термина и по семантике, и по фонологическим характеристикам» [Цзе, 2007 с.67]. Далее автор статьи говорит о ключевой роли в образовании данного термина китайско-русских взаимоотношений, возникших в конце XVII века, так как именно русские были первыми европейцами, систематически осуществлявшими контакты с китайцами. Данная мысль доказывается историческими фактами подписания двух договоров государственной важности между Китаем и Россией: в 1689 году в Нерчинске – о территориальном разграничении и в 1727 году в Кяхте – о создании пункта приграничной торговли между двумя империями. Торговля товарами повседневного спроса требовала активного общения, а контактировавшие не знали языка друг друга. Поэтому им приходится создавать «новый» язык, который был бы достаточен для коммуникации в данной сфере. Автор предполагает, таким образом, что термин *bizhen* – 逼真 был впервые применен к контактному языку в ситуации активного контактирования русских и китайцев в районе Маймачина-Кяхты в начале XVIII века. Учитывая то, что языковой контакт на систематической основе является одним из основных экстралингвистических факторов, приводящих к возникновению пиджина, данную теорию нельзя не принимать во внимание.

Научный статус новой этимологии термина *пиджин*, на наш взгляд, несправедливо преуменьшен исследователями во многом в связи с тем, что «традиционно считалось, что пиджины возникали только на основе какого-либо западноевропейского языка. В настоящее время известно, что это не так. Имелись и имеются пиджины на русской основе» [Оглезнева, 2007а с.11].

Однако в фокусе исследований по-прежнему находятся в основном пиджины, креольские и смешанные языки, возникшие на основе западноевропейских языков, прежде всего, английского, французского, португальского и испанского. Все эти языки складывались в весьма сходных условиях: как правило, в процессе работоторговли и плантационного подневольного труда. Этот факт ставит под сомнение многие выводы, которые делает

креолистика, поскольку всегда остается вероятность того, что описываемые ею процессы не являются универсальными.

Изучение пиджинов, возникших в других условиях, на основе языков иного типа, оказывается чрезвычайно важным для теории языковых контактов и креолистики: оно может внести коррективы в понимание общих механизмов пиджинизации. К таким «другим» идиомам относятся и пиджины, возникшие на основе русского языка [«русские пиджины» – термин Е. В. Перехвальской].

Особенностью русского языка по сравнению с западноевропейскими языками, ставшими лексической основой для большинства известных пиджинов, является его словоизменяющая морфология. Кроме того, русские пиджины имеют иные социолингвистические условия для своего возникновения: это прежде всего ситуация торговли, обмена, а не принудительного труда на различных плантациях, куда свозили людей, часто не имевших общего языка.

1.5 Русские пиджины

Пиджины известны в мире как языки общения между европейскими колонизаторами и рабами на плантациях. Ранее известные как «испорченные» языки, пиджины сравнительно поздно стали изучаться наукой. Еще меньше изучены русские пиджины.

По мере того, как расширялись границы России, на ее окраинах в ходе контактов русских с народами Кавказа, Урала, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока возникало множество вспомогательных языков, среди которых – пиджины на русской основе. Свидетельства об этих идиомах дошли до нас в виде упоминаний в путевых заметках и мемуарах, иногда в художественной литературе в качестве цитат при изображении речи инородцев. Тем не менее, упоминания о русских пиджинах весьма кратки и неточны. Они позволяют идентифицировать идиом как пиджин, но совершенно недостаточны для анализа структуры, лексического состава и т.д.

При этом языки такого типа замечаются как отдельные идиомы только начиная со стадии стабильного, или редуцированного пиджина. Но их статус очень низок: их рассматривают как испорченную, ломаную речь, браться за изучение которой никто не хочет. В связи с этим, фиксация контактных языков на русской лексической основе началась поздно и носила непоследовательный характер.

Проблема происхождения русских пиджинов была сформулирована И. Ш. Козинским в статье 1973 года «К вопросу о происхождении кяхтинского (русско-китайского) языка» [Козинский, 1973], где автор пишет, что русские пиджины восходят к одному источнику, являясь потомками «прото-пиджина», который образовался в ходе контактов русских с носителями алтайских или уральских языков, возможно, в эпоху Золотой Орды. К такому выводу И. Ш. Козинский пришёл, анализируя сами идиомы.

И. Ш. Козинский заметил, что во всех трех русских пиджинах кроме «моя, твоя» совпадает и порядок слов. Сказуемое находится в конце предложения, хотя это невозможно в китайском и не характерно для русского языка. Нет и предлогов: «дыругой раза» («в другой раз»). Зато есть послелогои: «тибе чушка адинака» («ты как свинья»), «моя твоя понимай нету» («я тебя не понимаю»). Сходная грамматика у тюркских, монгольских и угро-финских языков. Например, по-бурятски «хүн бэшэ» («не человек» — дословно «человек не»). «Учитывая географическую разобщенность русских пиджинов, их сходство можно объяснить только общим происхождением из какого-то древнего русско-тюркского или русско-уральского контактного языка, возникновение которого следует отнести ко временам, значительно предшествующим началу контактов с Китаем, возможно, даже к периоду Золотой Орды», — писал И. Ш. Козинский [Козинский, 1973].

Противоположная точка зрения — о полигенезе русских пиджинов — имплицитно присутствует в большинстве работ, посвященных конкретным идиомам.

Гуго Шухардт считал известные ему русские пиджины вариантами одного языка: «этот язык расположен вдоль всей китайской границы вплоть до Владивостока» [Шухардт, 1884 с.320]. С. Лунден, исследовавшая происхождение руссенорска, предположила, что некоторые из его черт имеют не «западное», то есть восходящее к норвежскому, саамскому и другим языкам, а «восточное» происхождение. Таковы местоимения *моя* ‘я, мой’ и *твоя* ‘ты, твой’ – по ее мнению, эти формы заимствованы из кяхтинского языка. Однако упоминание формы «моя» в русском азбуковнике XVII века, говорит о том, что некий вариант «торгового» языка, где использовались эти местоимения, существовал и раньше.

Теория полигенеза – т.е. пиджины создаются в зонах контакта независимо друг от друга – кажется более приемлемой, но не объясняет, почему пиджины, возникшие в разных местах, в результате контактов с разными народами, имеют общие черты: 1) порядок элементов предложения SOV; 2) неизменяемые местоимения 1 л. ед. ч. *моя*, 2 л. ед. ч. *твоя*; 3) неизменяемую форму глагола, часто совпадающую с формой императива. Эти явления не выводимы из русского языка ни в каком его варианте (просторечие, диалект, арго, интер-язык, «недоученный русский»). В вариантах интер-языка, даже при утрате местоимением категории падежа, формой 1 л. ед. ч. останется *я*, но не форма притяжательного местоимения ж.р. *моя*. Параллельное появление таких форм трудно объяснить.

Е. В. Перехвальская предполагает, что в основе всех русских пиджинов лежит общий элемент, черты которого не сводимы к упрощенному или недоученному языку, что возможно это был редуцированный русский пиджин, имевший собственные грамматические правила. Она пишет: «В основе русских пиджинов, функционировавших в XIX веке, лежал особый «язык для инородцев», употреблявшийся русскими купцами и первыми переселенцами при общении с коренным населением Урала, Сибири и Дальнего Востока. Это был «прото-пиджин», содержащий в себе те черты, которые объединяют «старые» русские пиджины» [Перехвальская, 2006 с.5]. Он мог возникнуть в период освоения

Урала и Сибири, а его распространителями были сборщики ясака, купцы и разные «бывалые люди». Они пользовались при общении с коренным населением данным особым вариантом языка – «языком для инородцев».

Черты, которые объединяют различные русские пиджины между собой, были свойственны этому «редуцированному коду» («прото-пиджину»). По-видимому, все сибирские разновидности русских пиджинов можно считать вариантами одного языка, а руссенорск представляет собой отдельный язык. Говорка разделяет с сибирским пиджином многие структурные черты, которых нет в руссенорске (наличие послелогов, выражение множественности при помощи квантификатора «всё», порядок слов OVS с подлежащим, выраженным личным местоимением, и др.). По мнению Е. В. Перехвальской, это говорит о том, что говорка и дальневосточный пиджин оказываются значительно ближе друг другу, чем к руссенорску и, по существу, являются вариантами одного идиома. Хотя говорка и дальневосточные варианты разделены между собой тысячами километров, данные художественной литературы свидетельствуют о том, что на всем этом пространстве в XIX в. использовался сибирский пиджин, вариантами которого являются и кяхтинский язык, и язык Дерсу Узала, и говорка. [Перехвальская, 2008]

Есть все основания полагать, что пиджины на русской основе в тот или иной период были распространены во многих районах северной Евразии. Несколько столетий контактов русских с народами Европейского Севера, Сибири, Кавказа, «киргизских степей» (северного Казахстана) не могли не породить контактные языки типа пиджинов. Некоторые следы их бывшего существования можно найти в литературе, но «в жизни», в сегодняшних условиях глобализации, их обнаружить уже практически невозможно. Малоисследован, например, русско-тюркский пиджин Северного Кавказа XIX века. Его примеры известны из художественной литературы: «Шамиль на похода ходить не будет» [из рассказа Л. Н. Толстого «Набег»].

Исследователям контактных языков на русской основе остается довольствоваться тем, что есть – материалами и источниками, которые удалось в свое время зафиксировать. В этом смысле наиболее изученными русскими пиджинами на сегодняшний день являются: русско-китайский (сибирский) и русско-норвежский (руссенорск) пиджины, а также таймырский пиджин (говорка), описание которого было произведено Е. А. Хелимским в 1987 году [Хелимский, 1987].

Таким образом, исследователи выделяют три типа пиджина на русской основе:

1. Русско-норвежский пиджин или руссенорск;
2. Таймырский пиджин, или «говорка» (использовался нганасанами в общении с русскими и иноязычными на Крайнем Севере);
3. Русско-китайский пиджин.

«Русские пиджины» являются чрезвычайно интересным объектом для креолистики. К сожалению, к настоящему времени они изучены недостаточно. По-настоящему в мировой научный оборот введен только русско-норвежский пиджин, или руссенорск, а также смешанный медновский язык; по остальным русским пиджинам имеются лишь фрагментарные публикации [Перехвальская 2008, с.4-5].

1.5.1 Русско-норвежский пиджин (руссенорск)

Русско-норвежский пиджин, наиболее известный под именем руссенорск — торговый пиджин, использовавшийся при межэтническом общении торговцев, рыбаков и моряков в бассейне Баренцева и Белого морей, в первую очередь в ходе меновой торговли между русскими поморами и норвежцами Варангер-фьорда. Этот пиджин назывался также *моя-по-твоя* (что может быть переведено ‘я

[говоря] по-твоему’) и *как-спрэк* (букв.: ‘что говоришь?’ или ‘что сказал?’) [Беликов, 1997 с.90-108].

Официально поморская торговля началась в конце XVIII столетия (хотя контакты поддерживались к этому времени уже несколько веков) и стала особенно интенсивной после введения таможенных льгот в 1870-е гг. В это время контакты с северной Норвегией поддерживало до 400 русских судов. Наиболее интенсивно торговля шла в ближайших к России портах — Вардё и Вадсё, каждый из которых за летние месяцы посещало около тысячи русских — заметное число, учитывая малонаселенность самих этих городов — 1,3 и 1,8 тыс. чел. соответственно [Давыдов, 1987 с.46-47]. С меньшей интенсивностью этот пиджин употреблялся далее на запад вплоть до Тромсё, а также на пограничном с Норвегией русском побережье. По сведениям А. Н. Давыдова, которые были озвучены им в 1988 году в докладе на рабочем совещании в Москве «Возникновение и функционирование контактных языков», близкий к руссенорску пиджин использовался в начале XX века в Архангельске при общении моряков, торговцев и проституток портовых кварталов с иностранцами.

Хотя самые ранние свидетельства функционирования руссенорска относятся к первой половине XIX века, обычно считается, что возник он раньше. Число лиц, пользовавшихся им на рубеже XIX–XX веков, можно оценить в несколько тысяч человек. Пиджин окончательно вышел из употребления с закрытием границы в 1920-х гг.

Общее число известных текстов на руссенорске невелико, в основном это записи диалогов, отдельных фраз и слов, сделанные непрофессионалами. Разбросанные по различным изданиям, а также неопубликованные записи были использованы Улафом Броком в первом описании руссенорска [Broch, 1927]; позднее он издал все известные ему тексты [Broch, 1930]. С. Лунден в 1967 г. смог собрать небольшое количество дополнительного материала от 34 информантов в северной Норвегии. Им была выпущена небольшая брошюра о руссенорске с

приложением этих и некоторых других ранее не включенных в научный оборот материалов [Lunden, 1978]. Обобщающую работу по руссенорску выпустили И. Брок и Э. Яр [Broch, 1987], в которой была систематизирована лексика этого пиджина.

Хотя большинство текстов — фрагменты диалогов, но они перемежаются отдельными фразами и поэтому этнолектная принадлежность отдельных реплик не всегда ясна. Кроме того, подавляющее большинство текстов записано норвежцами, тем самым, русский этнолект диалогических реплик, приписываемых русским, предстает через призму его норвежского восприятия. Сказанное делает позицию исследователя руссенорска довольно шаткой.

Из работ на русском языке следует отметить обзорные публикации о руссенорске А. Н. Давыдова, В. Н. Пономаренко и А. А. Куратовой [Давыдов, 1987, с.43-47], а также Е. В. Перехвальской [Перехвальская, 1987 с.63-67].

Характер межэтнических контактов на северо-востоке Европы позволяет предположить здесь существование различных контактных языков, которые могли внести свой вклад в становление руссенорска, однако этому нет достоверных свидетельств.

В. И. Беликов в своей статье «Русские пиджины» [Беликов, 1997 с.90-108] выделил три взаимосвязанные особенности, которыми руссенорск отличается от многих других пиджинов в лексическом отношении.

Во-первых, это наличие двух почти равноправных языков-лексификаторов: из примерно 400 известных единиц его словаря, около половины которого восходит к норвежскому и около трети — к русскому.

Во-вторых, наличие десятков синонимических дублетов разного происхождения; по-существу, можно говорить об одной сложной лексической единице, имеющей два плана выражения: *skasi* — *sprxkam* ‘говорить, сказать’,

balduska — *kvejta* ‘палтус’, *musik* — *man* ‘мужчина’, *ras* — *dag* ‘день’, *eta* — *den* ‘этот’, *njet* — *ikke* ‘не’, *tvoja* — *ju* ‘ты’ и т. д. При этом имеется тенденция использовать русские по происхождению единицы в норвежском этнолекте, а норвежские – в русском.

В-третьих, многие словарные единицы руссенорска имеют двойную этимологию, то есть, либо в равной степени возводимы к русскому и норвежскому этимону, либо, определенно восходя к одному из языков, имеют серьезную этимологическую поддержку в другом. При этом речь идет не только о широко распространенных интернационализмах типа *kaansul* ‘консул’, *kajuta* ‘каюта’, *vin* ‘вино’.

Двойную этимологию имеет наиболее частотное служебное слово руссенорска – предлог *po* (ср. норв. *pe* ‘в, на, к’), столь же невозможно выбрать однозначный источник происхождения *kruski* ‘кружка’ (ср. норв. *krus*). В некоторых случаях слова руссенорска являются контаминацией русского и норвежского: *mangoli* ‘много’ (ср. норв. *mange* ‘много’ и русск. много ли), *ljugom* ‘врать’ (ср. норв. *lyve* и русск. *лгать*). В ряде случаев один из дублетов однозначной этимологии находит вполне очевидную этимологическую поддержку в другом языке. Ср.: *dobra* — *bra* ‘хороший’, *tovara / vara* ‘товар’ (ср. норв. *bra*, *vare*, значения те же).

Несколько десятков лексических единиц руссенорска восходит или к английскому и нижненемецким диалектам (через посредство морских жаргонов), или же к другим местным языкам – шведскому, финскому, саамскому. Наличие лексики первой группы вполне естественно: это «морские» интернационализмы хорошо известные всем, кто связан с морем. Появление же заимствований из «сухопутных» (по крайней мере в контексте контактов на Баренцевом море) языков — пусть и косвенный, но веский аргумент в пользу существования в этом районе отличных от руссенорска его «сухопутных» предшественников, известных норвежцам и/или русским.

Стандартный порядок членов предложения в руссенорске – SOV, хотя отклонения в пользу порядка SVO – обычного порядка обоих языков-лексификаторов – довольно часты.

При переходном глаголе имеется сильная тенденция располагать члены предложения следующим образом: глагол занимает конечную позицию, слева к нему примыкает немаркированный прямой объект, следующую влево позицию занимает дативный объект с предлогом *po*, еще левее располагаются темпоральные и локативные сирконстанты, также вводимые предлогом *po*; подлежащее находится в максимально левой позиции, в начале предложения: *Moja paa dumosna grot djengi plati*. ‘Я заплатил много денег на таможне’; *Davaj paa moja skib kjai drikkom*. ‘Выпей чаю на моем корабле’.

Одной из особенностей грамматики руссенорска является синтаксис отрицания. Показатель отрицания *njet* — *ikke* располагается перед тем словом, к которому оно относится, в целом повторяя порядок русского и норвежского; имеется, однако, одно серьезное исключение.

«В норвежском языке, в отличие от руссенорска и русского, при глагольном сказуемом отрицание помещается непосредственно после личной формы глагола. При этом в руссенорске различные актанты глагола (прямое дополнение, датив, подлежащее) могут помещаться между отрицанием и самим глаголом, что выглядит крайне необычно с точки зрения обоих языков-лексификаторов: *Kor ju ikke paa moja mokka kladi?* ‘Почему ты не принес мне муку?’; *Paa den dag ikke Russefolk arbej*. ‘В этот день русские не работают’. Происхождение этой особенности, возможно, следует искать в финском языке, где аналогичный синтаксис при отрицании вполне обычен» [Белкиов, 1997 с.90-108].

Исследование руссенорска – пиджина, развившегося в ходе меновой торговли норвежских рыбаков и русских поморов в арктической зоне Скандинавии, представляет большой интерес как для лингвистов, так и для

этнографов. Он являет собой пример начального этапа формирования пиджина – ограниченного пиджина, когда его функции сводились к одной стандартной ситуации – продаже или обмену товаров. Основное отличие его от большинства известных пиджинов и креолов в том, что источником его лексики оказывались оба (и, возможно, более двух) взаимодействующих языка, а не один язык-лексификатор, что, как предполагают исследователи, может являться универсальной чертой для стадии редуцированного пиджина, либо может объясняться равной «престижностью» контактирующих языков.

1.5.2 Таймырский пиджин (говорка)

Говорка, или Таймырский пиджин, возник в качестве языка межэтнического общения в самой северной области Евразии, на полуострове Таймыр (территория нынешнего Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа Российской Федерации).

Первые сведения о говорке относятся ко второй половине XIX — первой половине XX в. и представляют собой цитаты из речи местных жителей – долган, эвенков, нганасанов и др. – в дневниках посещавших Таймыр путешественников и священников, а в 20—30-е гг. XX в. – посланцев Советской власти, в частности писателя и кинооператора М. А. Никитина и работницы «красного чума» Амалии Хазанович. Впервые говорка была идентифицирована как отдельный язык и зафиксирована в значительном объеме Е. А. Хелимским в 1980-х гг. [Хелимский, 1987; 2000]. Кроме того в 2000 г. материал говорки собирал на Таймыре Д. Штерн [Stern, 2005]. В 2009 г. значительный корпус текстов был записан А. Ю. Урманчиевой. Наконец в 2012 году вышла объемная монография Штерна, содержащая подробное описание говорки, ее исторический и культурный контекст, а также словарь и полную подборку старых фиксаций и отрывки из современных текстов.

Для описания говорки воспользуемся материалами Е.А. Хелимского [Хелимский, 2000 с.378-395].

Предполагается, что она сложилась в 18-19 вв. при контактах первых постоянных русских поселенцев на Таймыре с местным населением и стала также языком общения аборигенных народов.

Говорка оказалась в поле зрения исследователей уже в полуразрушенном состоянии. В XX веке, особенно с распространением школьного образования, говорка претерпела существенные изменения под воздействием нормативного русского. Но многие представители старшего поколения, даже владея существенно более близкими к стандарту разновидностями русского языка, продолжает в межэтническом (в основном нганасано-долганском) общении пользоваться говоркой. Молодежь и большинство лиц среднего возраста беглой речи на говорке почти не понимают. Стандартный русский язык и его разговорные варианты занимают ведущие позиции в сфере администрации, общественной жизни, в школьном образовании и культуре. Характерно, что носители пиджина обычно не говорят на стандартном (разговорном) языке и плохо его понимают, но говоркой пользуются свободно и бегло, особенно в пределах сравнительно узкого круга традиционных тем межэтнического общения.

Фонетика говорки ближе к современному русскому языку, чем другие элементы ее структуры. Существующие расхождения полностью определяются отличием фонологии русского языка от языков аборигенного населения Таймыра. Типичным является произнесение вместо лабиодентальных фрикативных *v* и *φ* лабиальных фрикативных *β* и *φ* или даже взрывных *б* и *п*; однако противопоставление *v:б* и *φ:п* сохраняется.

В отношении морфосинтаксиса говорка радикально отличается от современного русского языка. Вся синтаксическая структура русского языка была полностью трансформирована на основании фундаментальных принципов урало-алтайского языкового типа, в частности:

а) управляемое слово помещается перед управляющим; в силу этого правила прямой объект помещается перед глаголом (преобладают порядки SOV и OVS),

существительное ставится в конец атрибутивной конструкции, широко используются послелого;

б) морфологическая информация экономится; этим принципом диктуется опущение грамматических маркеров там, где они называются синтаксическим или лексическим контекстом (и, в частности, отсутствие согласования), и общая тенденция к максимальной простоте и единообразию соотношения между морфемами и семами.

Урало-алтайские языки относятся преимущественно к агглютинативному типу. Говорке недоставало внутренних ресурсов для развития агглютинативной морфологии, и ее отсутствие компенсируется аналитическими конструкциями.

Лексический состав по большей части заимствован из русского языка. Но при этом есть некоторые различия в фонетике и семантике (например: *серёдка* «половина, часть», *люди* «человек», *человек* «кто-нибудь», *дородно* «много, достаточно», *поймать* «получать» и другие). В ряде слов словоизменение отсутствует, но часто используется форма нормативного косвенного падежа (например: *Это самый натуре казку* «Это самая подлинная история»).

Особую позицию в системе имени имеет многоцелевой послелог *место* – он располагается после объекта действия (Например: *Тебя колоти ножик место!* «Коли ножом!», *Как тебя голова место попал?* «Как тебе в голову пришло?», *Чими девка-то песня пел меня сестра место* «Дочь Чими пропела песню моей сестре»). В атрибутивных конструкциях порядок слов противоположен тому, который предусмотрен нормами русского языка (например: *царь девка* «царевна [царя дочь]», *конь санка* «телега», *меня сестра девка мужик совсем худой* «Муж дочери моей сестры очень плохой»). В данном случае говорка имеет схожие черты с русско-китайским пиджином (*чушка мясо* «свинина», *Валера мамака* «мать Валеры», *вата пинжака* «ватный пиджак», *сукона халаза* «суконный халат»). Но при этом имеет отличия от руссенорска (*to voga treska* «два веса трески», *meska gropa* «мешок крупы», *glass tsjai* «стакан чаю»).

Использование личных местоимений в говорке неупорядоченно, поэтому здесь сложно делать точные выводы. Тем не менее, Е. А. Хелимский предполагает, что для состояния «исконного» пиджина реконструируются формы *меня, тебя* и *ево* с аналитическим выражением двойственного и множественного числа при помощи *оба* и *се* [все] (например: *вода таскать не хочет ево оба* «они двое не хотят носить воду») [Хелимский, 2000 с.378-395]. В современной говорке время выражается в глаголе как в русском языке, но нет согласования подлежащего со сказуемым. Кроме того, случайным образом делается выбор формы глагола (например: *меня проверяет, тебя как живут* «я проверяю, как ты живешь»).

Таким образом, лексика говорки почти полностью почерпнута из русского языка, не претерпев при этом значительных фонетических изменений, а современный русский язык свободно используется при необходимости и для пополнения основного словарного фонда пиджина. Наибольшие отличия говорки от русского языка наблюдаются в морфологии и синтаксисе. Грамматические морфемы имеют русское происхождение. Однако структурно грамматика пиджина крайне далека от флективного русского языка и представляет собой урало-алтайский морфосинтаксический тип, преобразованный в направлении большего аналитизма.

1.5.3 Русско-китайский (сибирский) пиджин

Активные приграничные контакты русских и китайцев на Дальнем Востоке и в Забайкалье способствовали возникновению своеобразной формы русской речи. «Эта форма речи представляет собой в наивном определении «исковерканный русский язык», а в научном – пиджин» [Оглезнева, 2007а, с.6].

Русско-китайский пиджин возник и функционировал в Забайкалье в районе русского города Кяхта и китайского города Маймачин в первой половине XVIII века. Тесные приграничные контакты здесь были предопределены подписанием Кяхтинского договора 1727 года, упорядочивавшего русско-китайскую торговлю.

Возникшая языковая форма использовалась при совершении торговых сделок и была обязательна для китайцев. До конца XIX века, как утверждает В.И. Беликов, этот пиджин распространился за пределы Маймачина-Кяхты, возникая в местах активного социального контактирования русских и китайцев [Беликов 1997, с.98].

Вплоть до «культурной революции» 1960-х гг. русско-китайский пиджин использовался в качестве средства коммуникации в Маньчжурии и на Дальнем Востоке (Приамурье).

Краткое описание внешней истории пиджина дается в статье В. И. Беликова «Русские пиджины» [Беликов, 1997 с.90-108].

В ней В. И. Беликов рассуждает о причинах стабилизации русско-китайского пиджина. В креолистике распространено мнение, что подлинная стабилизация жаргона, возникновение пиджина, возможно лишь в том случае, когда его начинают использовать для взаимного общения те, кто не знает языка-лексификатора. Между тем, отмечает автор, русско-китайский пиджин, который обслуживал в первую очередь контакты русских с китайцами и в значительно меньшей степени с монголами, а позднее с нанайцами, удэгейцами, корейцами, но не применялся в контактах различных нерусских групп между собой, достигал обычного для пиджинов уровня унификации.

Причина такой необычной стабилизации кроется в том, что китайский этнолект пиджина был нормирован: власти Поднебесной вменяли в обязанность всем купцам, отправляющимся в Россию, сдать экзамен по русскому языку (точнее, пиджину). С этой целью в Калгане (Чжанцзякоу) была открыта специальная школа, имелись соответствующие словари-разговорники.

После перехода Приамурья и Приморья от Китая к России (1858-1860) здесь получил распространение очень близкий к кяхтинскому дальневосточный пиджин. На этих землях уже имелось незначительное китаеязычное население. Кроме того, с самого начала активного освоения этих прежде очень редко

заселенных земель новыми хозяевами, на юг русского Дальнего Востока устремился заметный поток иммигрантов-китайцев: например, уже в 1879 году из 8,8 тысяч жителей Владивостока китайцев было 3,5 тысяч человек. Дальневосточный пиджин стал важнейшим средством межэтнического общения. Размеры китайской общины на русском Дальнем Востоке колебались, составляя в первые десятилетия нашего века 50-100 тысяч человек. Перепись 1926 года зарегистрировала 100,7 тысяч китайцев, которые постоянно жили в СССР, 81 процент из них оставался иностранными подданными.

В 1890-х гг. начался интенсивный процесс проникновения русского капитала в Маньчжурию, особенно усилившийся после пуска в эксплуатацию Китайской восточной железной дороги (1903 г.). Перед революцией численность русских здесь превышала 200 тысяч человек, а к 1923 году удвоилась. Основным центром русской иммиграции стал Харбин, главный транспортный узел северной Маньчжурии. Были в Маньчжурии и сельские переселенцы из России; так в районе «Трехречья», к северу от Хайлара до 1955 проживало свыше 15 тысяч русских в 19 деревнях, некоторые из которых были основаны в конце XIX в.

По свидетельствам очевидцев перемещение через границу не представляло большого труда до вооруженного конфликта на КВЖД в 1929 году. Количество сезонных мигрантов из Китая в СССР в течение 1920-х годов достигало нескольких десятков тысяч в год; продолжался и отток русского населения в Маньчжурию.

Благодаря прочным экономическим позициям и существенным культурным отличиям от окружающего населения положение русской эмигрантской общины в Маньчжурии принципиально отличалось от ситуации в других районах послереволюционной русской диаспоры. Знание китайского языка было очень слабым даже среди иммигрантов второго и третьего поколений, так как имелась возможность получать среднее и даже высшее образование на русском языке.

Среди бывших российских подданных в Маньчжурии были представители разных национальностей (в частности, имелась значительная польская община); в нерусских моноэтнических семьях в повседневном обиходе часто использовался родной, а не русский язык. Это вело к снижению уровня знания русского языка среди новых, родившихся в Маньчжурии поколений, но контакты с китайским населением все равно поддерживались на русско-китайском пиджине.

По обе стороны русско-китайской границы средством повседневного межэтнического общения для сотен тысяч человек был пиджин, в немногочисленных смешанных семьях он мог использоваться как язык семьи (но не креолизировался, поскольку дети усваивали нормативный русский, или китайский, или оба языка).

На территории СССР положение резко изменилось в середине 1930-х гг. Большинство китайцев не имело советского гражданства; с ростом шпионажа они в основном были высланы за границу. С 1936 г. из городов и приграничных районов стали депортировать и граждан СССР китайской национальности. В числе других причин дисперсность расселения в последующие годы вела к росту числа межэтнических браков, лучшему усвоению русского китайцами старших поколений. В местах новых поселений русские и представители других национальностей не имели традиции общения с китайцами на пиджине. Новые поколения постепенно утрачивали родной язык и переходили на русский. Китайский этнолект пиджина быстро акролектизировался, русский – жаргонизировался. В единичных случаях пиджин продолжает использоваться до сих пор.

В. И. Беликов считает неясным, что служит языком коммуникации при возобновившихся в последние годы русско-китайских пограничных контактах в районе Благовещенска – Хэйхэ и других пунктах. Но он допускает возможным повторное возникновение русско-китайского контактного языка.

В Маньчжурии, несмотря на заметный отток русского населения в связи с японской оккупацией, приходом советских войск в 1945 г. и провозглашением Китайской Народной Республики в 1949 году, коммуникативная потребность в пиджине частично сохранялась до культурной революции 1960-х гг.

Первое упоминание о существовании в приграничной Кяхте особого «торгового языка» появилось в очерках Е. Ф. Тимковского, который сообщал, что появился особый язык, представляющий собой «сильно испорченный русский». Краткие описания кяхтинской разновидности были сделаны еще в прошлом веке [С. Н. Черепанов, 1853; А. А. Александров, 1884; Г. Шухардт 1884]. Имеются сведения о распространении в недавнем прошлом пиджина среди китайцев Забайкалья, но отношение забайкальского варианта XX века к «кяхтинскому языку» XVIII-XIX веков неизвестно. Эта разновидность не могла не испытывать влияния дальневосточной, поскольку в XX веке китайские рабочие на рудниках Забайкалья и огородники в основном мигрировали из Маньчжурии или через нее.

Дальневосточная разновидность, несомненно сохраняющая преемственность с кяхтинской, имеет заметные лексические и грамматические отличия от последней. После революции в Маньчжурии и Приморье пиджин развивался относительно независимо, но поскольку он уже был достаточно стандартизирован, незначительные различия возникли лишь в словаре. Эти различия в основном сводятся к несколько большему распространению лексики китайского происхождения в Маньчжурии, где пиджин функционировал в китаеязычном окружении. Пиджин Маньчжурии описан А. Яблоньской, по приморской разновидности имеются архивные материалы А. Г. Шпринцина, незначительно отраженные в его публикациях и хранящиеся в РНБ.

В. И. Беликов приводит в своей работе этнолектную структуру русско-китайского пиджина (**этнолект** – лингвистический термин, обозначающий разновидность языка по национальной принадлежности; он используется нами в данном определении как рабочий инструмент исследования):

1. Китайский этнолект. Представлен обеими территориальными разновидностями – кяхтинской и маньчжурско-приморской. Все указанные выше исследования и материалы в первую очередь относятся к этому этнолекту. В 1990 г. полевые материалы были собраны Е. В. Перехвальской и В. И. Беликовым (с. Михайловка Приморского края, с. Кукан Хабаровского края).

2. Русский этнолект. Он описывался параллельно с китайским во всех указанных выше источниках (очень последовательно родной язык информантов отмечается в архиве А. Г. Шпринцина).

3. Маньчжурский этнолект. Начал складываться в районе Благовещенска в 1860-х гг. (несколько примеров приводится в путевых заметках С. Максимова). Эта разновидность не вышла за стадию жаргона, поскольку сами маньчжуры и в России и в Китае интенсивно переходили на китайский язык.

4. Нанайско-удэгейский этнолект. Структурная близость двух субстратных языков не дает возможности выделить два различных этнолекта. Многочисленный фактический материал имеется в работах В. К. Арсеньева (русская речь Дерсу Узала и др.); материал Арсеньева проанализирован Дж. Николс, однако ее интерпретации частично спорны. Полевые материалы среди бикинских удэгейцев в 1983-1990 гг. собраны Е. В. Перехвальской, Ф. А. Еловой, В. И. Беликовым.

5. Корейский этнолект. Небольшое количество материала имеется в архиве А. Г. Шпринцина. Фактический материал можно найти в книгах В. Ю. Янковского [1986].

6. Польский этнолект. Имел распространение в Маньчжурии; его отдельные незначительные отличия от русского этнолекта описаны А. Яблоньской. В 1950-е годы часть маньчжурских поляков депортировалась на родину.

7. Монгольский этнолект. Какие бы то ни было сведения отсутствуют. По утверждению И. А. Беликова – отца В. И. Беликова, служившего в Красной

Армии на территории Монголии в 1939-1943 гг., *шип-шанго* «по-монгольски» означает ‘очень хорошо’ (близость к русско-китайскому *шибко шанго* в том же значении бесспорна).

8. Японский этнолект. Его функционирование в прошлом вероятно в ходе русско-японских контактов в городах Приморья (к 1917 г. – 3-4 тыс. чел.), в Маньчжоу Го, а также при общении с русскими на Тихоокеанском побережье сезонных рабочих из Японии.

О степени развитости пиджина, стабильности и распространении его русского этнолекта в 1930-х гг. свидетельствует возникновение на нем русского детского фольклора, ср. например, такую дразнилку: *Ходя, ходя лайла. / Штаны потеряйла, / Моя нашола, / Тебе не давайла.* (‘Китаец, китаец, иди сюда. / [Ты] штаны потерял, / Я нашел, / Тебе не отдал’).

«Влияние пиджина до сих пор сказывается на региональном русском просторечии. Представители старшего поколения употребляют заимствованные из пиджина слова *карабчить* ‘воровать’, *чифанить* ‘есть’, *тундить* ‘понимать’ (и *бутундить* ‘не понимать’), *питуза* ‘заплечный мешок’, *ходя* ‘китаец’, *ирбуль* ‘кореец’ и т. п.. В аффективной речи возможно употребление фраз типа *шибко шанго* ‘очень хорошо’. Широкое распространение получил здесь сравнительный оборот с постпозитивным прилагательным «одинаковый»: *Видела кубинца – как негр одинаковый.* (Ср. в пиджине: *Тибе чушка адинака* ‘ты – как свинья’)» [Беликов, 1997 с.90-108].

Специфика русско-китайского пиджина в том, что он был в свое время нормирован и обязателен для китайцев. Возможно, этим объясняется его стабилизация, а также то, что он с легкостью возрождается при необходимости, диктуемой благоприятной для его возникновения геополитической и экономической обстановкой, трансформируясь при этом в различные территориально-хронологические варианты себя.

Е. А. Оглезнева выделяет пять территориально-хронологических вариантов данного пиджина [Оглезнева, 2007а]:

1. Маймачинское (кяхтинское) наречие XVIII-XIX вв.
2. Русско-китайский пиджин конца XIX-нач. XX вв. (дореволюционный)
3. Русско-китайский пиджин 20-30-х гг. XX в. (послереволюционный)
4. Харбинский вариант русско-китайского пиджина нач. и сер. XX
5. Современный русско-китайский пиджин 90-е гг. XX-10-е гг. XXI в.

Мы, в свою очередь, представляем свою классификацию территориально-хронологических вариантов русско-китайского (кяхтинского) пиджина. Мы считаем, что за основу классификации необходимо брать территориальный признак и выделяем в качестве ядра русско-китайский пиджин, от которого отходят дочерние территориально-хронологические варианты:

1. Маймачинское (кяхтинское) наречие XVIII-XIX вв.
2. Дальневосточный вариант русско-китайского пиджина сер. XIX-нач. XX
3. Маньчжурский вариант русско-китайского пиджина нач. и сер. XX в.
4. Харбинский вариант русско-китайского пиджина нач. и сер. XX в.
5. Современный русско-китайский пиджин Забайкалья (забайкальско-маньчжурский пиджин) конца XX-нач. XXI в.

Интересно то, что из представленных нами вариантов только два являются торговыми пиджинами – маймачинское наречие и современный русско-китайский пиджин Забайкалья. Три других варианта русско-китайского пиджина представляют собой контактные языки китайцев с русскими в условиях миграции.

Объектом нашего внимания является последний вариант русско-китайского пиджина – современный русско-китайский пиджин Забайкалья.

1.6 Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в социолингвистическом аспекте

Русско-китайский пиджин, как мы уже отметили, несмотря на длительную историю своего существования и на то, что он неоднократно привлекал внимание специалистов, до сих пор малоизучен. Изучение контактных языков интересно и актуально как с точки зрения теории языкознания, в частности в исследовании развития и взаимодействия языков, так и с точки зрения социолингвистики. Это обусловлено тем, что такие языки являются результатом этнокультурного взаимодействия разных народов и в свете современной парадигмы лингвистического знания, характеризующейся антропоцентризмом, представляют особый интерес.

«Русско-китайский пиджин – реальная действительность сегодняшнего дня. Он по-прежнему составляет яркую черту дальневосточного региона» [Оглезнева, 2007а, с.16].

Объектом нашего исследования является территориально-хронологический вариант русско-китайского пиджина – **современный русско-китайский пиджин Забайкалья** или забайкальско-маньчжурский препиджин (термин: Ян Цзе), возникший в начале 90-х гг. XX в. в связи с возобновлением и активизацией русско-китайских пограничных контактов и являющийся территориально-хронологическим вариантом русско-китайского пиджина, функционировавшего в XVIII-XIX вв. в районе русского города Кяхта и китайского города Маймачин.

Первая и пока практически единственная публикация, посвященная данному идиому, принадлежит китайскому исследователю Ян Цзе. В ней описан пиджин, складывающийся в последние 15 лет на граничащих с Китаем территориях Забайкалья, Приамурья и Дальнего Востока РФ в связи с интенсификацией в указанный период политических, торгово-экономических и культурных связей

между двумя дружественными странами – Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Автор основывается на собственной полевой работе в китайском городе Маньчжурия – пограничном пункте, соседствующем с русским Забайкальском Читинской области.

Ян Цзе представляет новую этимологию лингвистического термина "пиджин" – он возводит слово *пиджин* / *pidgin* к китайскому 逼真 (пичжэн) ‘очень похожий’, в отличие от «общепринятой» этимологизации через китайское произношение слова *business*. «Общепринятость» объясняется в данном случае известной древностью и отсутствием более подходящих кандидатов на роль этимона среди ранее предлагавшихся. Этимология, предложенная Ян Цзе, и с формальной, и с семантической стороны лучше иных, упомянутых в начале его статьи», считает В. И. Беликов. Также Ян Цзе кратко описывает историю возобновляемого русско-китайского контактного языка, а также приводит опыт социолингвистического описания.

Кратко обрисует историко-экономические предпосылки возникновения данного пиджина, опираясь на статью Ян Цзе и собственное исследование.

В начале 90-х годов XX века улучшились отношения между Китаем и Россией и тесно связанная с ними торгово-экономическая ситуация. На российско-китайской границе, протяженность которой составляет примерно 4000 километров, образовались пункты пропуска российских и китайских граждан, где происходила продавались и покупались товары повседневного спроса. В 1992-1993 годах быстро развилась бартерная, а затем и денежная китайско-российская торговля – ее объем в последующем достиг 7,67 миллиардов долларов. Китай стал вторым партнером России по торговле уже в 1993 году, Россия в свою очередь стала седьмым экономическим партнером Китая. Со стороны России торговые операции стали осуществляться бывшими учителями, врачами, рабочими и служащими российских государственных предприятий и учреждений, которые стали банкротами в сложившейся рыночной ситуации. В последующем такая

форма бизнеса стала именоваться в русском языке «челночной», а люди, занимающиеся торговлей в пунктах на российско-китайской границе, стали называться «челноками». Обмен товаров, произведенных в России и Китае можно было совершать на строго отведенных для этого территориях по обе стороны границы. В перечень мест, где было возможным реализовывать товары, в первое время вошли такие населенные пункты, как поселок Забайкальск в Читинской области и город Маньчжурия в Автономном районе Внутренней Монголии; город Благовещенск в Амурской области и город Хэйхэ в провинции Хэйлунцзян; станция Гродеково в Приморском крае и поселок Суйфэньхэ в провинции Хэйлунцзян. Данные пункты торговли были утверждены международными соглашениями, подписанными правительствами Китая и России.

«Челноки» каждой из сторон не владели языками друг друга, но были вынуждены общаться для осуществления торговли – в этой ситуации было необходимо хотя бы минимальное речевое общение между ними. В спешном порядке для помощи в общении набирались местные переводчики. Первое время роль переводчиков часто исполняли люди, которые знали лишь несколько слов и некоторые устойчивые разговорные конструкции по-китайски с российской стороны и по-русски – с китайской. Квалификация переводчиков оставляла желать лучшего, так как интерес к взаимному изучению русского и китайского языков в то время был невысоким – во многом по причине предшествующего «холодного периода» в отношениях между СССР и КНР.

Кроме того, их становилось недостаточно, так как спрос на товары возрастал с поразительной скоростью. Таким образом, почва для возникновения препиджина оказалась весьма благоприятной, а челночный бизнес, зародившийся в 90-е гг. на приграничных с Китаем территориях, стал одним из основных факторов зарождения и развития современного русско-китайского пиджина Забайкалья.

В. И. Беликов пишет: «Статья Ян Цзе – пока единственный известный мне текст о нарождающейся новой версии русско-китайского пиджина. Можно

надеяться, что она привлечет внимание русистов Забайкалья, Амурской области и Приморья к изучению этого феномена на российской территории» [Беликов, 2008]. Основная причина того, что русские пиджины и современный русско-китайский пиджин Забайкалья, в частности, остаются на сегодняшний день крайне малоизученным явлением, – это пренебрежение к «малограмотной», «исковерканной», «неправильной» русской речи. Это отмечает большинство исследователей, в том числе В. И. Беликов, Е. В. Перехвальская.

Особенности социокультурного фона во многом определяют языковую специфику пиджина в Забайкалье. Поэтому считаем нужным кратко охарактеризовать эти особенности.

В настоящее время на территории Забайкалья и, в частности, Республики Бурятия широко применяется китайский труд, главным образом в торговле и общепите, в строительстве и сельском хозяйстве.

Говоря о контингенте носителей русско-китайского пиджина – китайцах – необходимо уточнить, что на современном этапе он не отличается гомогенностью: его составляют как малограмотные выходцы из деревень и провинциальных городов, так и получившие среднее образование китайцы, делающие свой профессиональный и карьерный старт на российских рынках и таможнях, в том числе так называемые «челноки». Более того, наряду с практическим освоением русского языка в рыночной среде, современные носители пиджина пытаются самостоятельно осваивать русский язык в свободное от работы время по русско-китайским самоучителям и разговорникам. Проявляется и природная любознательность китайцев, когда они интересуются названиями предметов, явлений, не имеющих прямого отношения к их деятельности, к процессу торговли. Хотя, стремление к овладению литературной формой русского языка во всем многообразии его средств и возможностей для современных носителей русско-китайского пиджина не свойственно, как и вообще для функционирования какого бы то ни было пиджина.

Следует отметить, что для последнего времени характерно расширение сфер коммуникации на современном русско-китайском пиджине: общение на нем зачастую не ограничивается сугубо прагматической направленностью, включая в себя и общение фатическое, направленное на установление и поддержание контакта (чаще всего это случайно возникающие разговоры о семье, работе, России, Китае, транспорте, и т.п.). Ситуативность же речевого использования, жестикуляция, интонация, окружающий контекст в определенный момент речи позволяют избежать непонимания между собеседниками.

Русско-китайский пиджин Забайкалья уже представляет собой некий узуальный стандарт, но по объективным причинам, например, в связи с недолгой историей своего существования, все же находится на стадии раннего пиджина. Мы не можем быть полностью уверены в его дальнейшем развитии: он может подвергнуться как устойчивой стабилизации и расширению, так и, напротив – уходу в небытие. Однако, геополитическая обстановка, открытые торговые связи между Россией и КНР, обусловленные нормализацией русско-китайских отношений в 90-е гг. XX века, создают благоприятные условия для активного функционирования пиджина, предопределяя его дальнейшее развитие. Ян Цзе, рассматривая и анализируя в своей статье складывающуюся ныне политико-экономическую ситуацию между КНР и Россией и связанные с ней социально-языковые условия, также предполагает, что процесс пиджинизации на данном коммуникативном пространстве получит дальнейшее развитие и расширение [Цзе, 2007].

Тем не менее, сегодня структурные черты забайкальско-маньчжурского препиджина, которые свойственны практически всем описанным в лингвистике пиджинам, имеют более общий характер: упрощенный состав фонем и правил их применения в речевом общении, слабо выраженная морфология, неглубокий синтаксис. Упрощенность структуры, ситуативное использование определяют языковые особенности современного забайкальского русско-китайского пиджина на всех уровнях.

1.7 Современный русско-китайский пиджин Забайкалья среди других форм контактных языков

Согласно давней традиции в фокусе исследований креолистов находятся в основном пиджины, креольские и смешанные языки, возникшие на основе западноевропейских языков. Пиджины, возникшие на русской основе, изучены недостаточно. Тем не менее сегодня интерес к ним стремительно возрастает, и это проявляется, в частности в ряде опубликованных в центральных научных изданиях трудов Е. В. Перехвальской, Ян Цзе, Е. А. Оглезневой и других.

Особенностью русского языка по сравнению с западноевропейскими языками, ставшими лексической основой для большинства известных пиджинов, является его словоизменительная морфология. Кроме того, русские пиджины имеют иные, чем у других аналогичных форм контактных языков, социолингвистические условия для своего возникновения: это прежде всего ситуация торговли, обмена, а не принудительного труда на различных плантациях, куда свозили людей, часто не имевших общего языка.

Как уже отмечалось выше, существует три типа пиджина на русской основе:

- 1) Русско-норвежский пиджин, или Руссенорск;
- 2) Таймырский пиджин, или «Говорка» ;
- 3) Русско-китайский пиджин.

В настоящее время наиболее изученным среди пиджинов, возникших на русской основе, считается русско-китайский пиджин (Сибирский пиджин, Кяхтинское наречие). Этот пиджин использовался в XVIII-XIX вв. китайскими и русскими купцами в пограничных городах – русской Кяхте и китайском Маймачине, поэтому и именовался кяхтинским, или маймачинским языком.

Русско-китайский пиджин Забайкалья или забайкальско-маньчжурский препиджин [Цзе, 2007 с.9], как хронологический вариант Кяхтинского наречия, возник в начале 90-х гг. XX в. в связи с возобновлением и активизацией русско-китайских пограничных контактов.

Прежде чем перейти к обзору данного пиджина, необходимо остановиться на тех процессах, которые приводят к возникновению пиджина, и возможных результатах эволюции такого языка.

«Выбор языка, на базе которого формируется препиджин, определяется сугубо прагматическими причинами: основой его становится тот язык, редуцированная форма которого по тем или иным причинам оказывается более эффективной для коммуникации. В результате большая часть лексики пиджина обычно восходит к одному из контактирующих языков; такой язык в креолистике называется **лексификатором**» [Беликов 1997, с.117].

В русско-китайском пиджине языком-источником – суперстратом, лексификатором – выступает русский язык. Что же касается языка-субстрата, то это, как правило, родной язык наиболее заинтересованной в новом коммуникативном средстве стороны. Это тот язык, по типу которого в пиджине складываются грамматика и фонология. «В случае с русско-китайским пиджином в китайском его этнолекте языком-субстратом выступает китайский» [Оглезнева, 2007а, с.9].

Вопрос о вкладе каждого из контактирующих языков в структуру контактного языка (лексику, грамматику) в креолистике остается открытым. Особенно спорным оказывается вопрос о степени влияния на контактный язык со стороны языков субстрата.

Существует множество точек зрения на данную проблему. Представим часть из них, которые подробно разобраны в работе Е. В. Перехвальской [Перехвальская, 2006 с.7] и представляют для нашего исследования особый интерес:

1. *Теория субстрата*: грамматический строй языков субстрата оказывает существенное влияние при расширении грамматической структуры пиджина.

2. Влияние языков субстрата на формирование расширенного пиджина и креольского языка настолько незначительно, что им можно пренебречь.
3. *Теория релексификации* (Клер Лефевр): носители языков субстрата подставляют лексику языка-лексификатора в предложения на родном языке, т.е. происходит процесс широкомасштабного заимствования из языка-лексификатора. Эта теория объясняет факты формирования лишь некоторых креольские языки (гаитянского).
4. *Теория биопрограммы* представляет собой приложение к креолистике идей Н. Хомского о существовании у человека врожденного лингвистического модуля, который определяет глубинные структуры языка. Д. Бикертон применил эти идеи к креольскому языку, утверждая, что при расширении грамматики срабатывают те же врожденные языковые универсалии.
5. *Теория С. Томасон*: контактные языки есть результат своеобразной «торговли» (bargaining): конкретные формы расширенного пиджина и креольского языка – результат попыток найти некий общий языковой знаменатель между разными языками как в лексике, так и в грамматике.
6. В последние годы все большее количество креолистов принимают компромиссную точку зрения, согласно которой признается сложность и многоплановость процесса формирования «новой» грамматики расширенного пиджина и креольского языка: на формирование расширенного пиджина и креольского языка оказывают значительное влияние как языки субстрата, так и суперстрата; значительную роль играют и правила «универсальной грамматики», а также закономерности овладения вторым языком взрослыми. Такой точки зрения придерживается и Перехвальская Е. В.

Автором также ставится дополнительная задача выявить грамматические особенности современного русско-китайского пиджина с точки зрения влияния на них языка-субстрата и языка-суперстрата. Определяя это влияние как

субстративные и суперстративные явления¹ далее мы представим в нашей работе опыт классификации языковых особенностей с точки зрения происхождения русско-китайского пиджина. Термины «субстративные» и «суперстративные» впервые используются нами и имеют значение «относящиеся к языку-субстрату/языку-суперстрату», «отражающие влияние языка-субстрата/языка-суперстрата» в контексте креолистики. В данном случае суффикс -ивн- образует прилагательное с общим значением соотнесенности с тем, что названо мотивирующим словом, в роли которого выступают имена существительные субстрат (язык, по типу которого строится грамматика пиджина) и суперстрат (базисный язык, язык-лексификатор), почерпнутые из категориального аппарата современной креолистики.

Преследуя поставленную задачу, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой эволюции пиджина и степени влияния на него языка-субстрата и суперстрата, уже затрагиваемую нами выше.

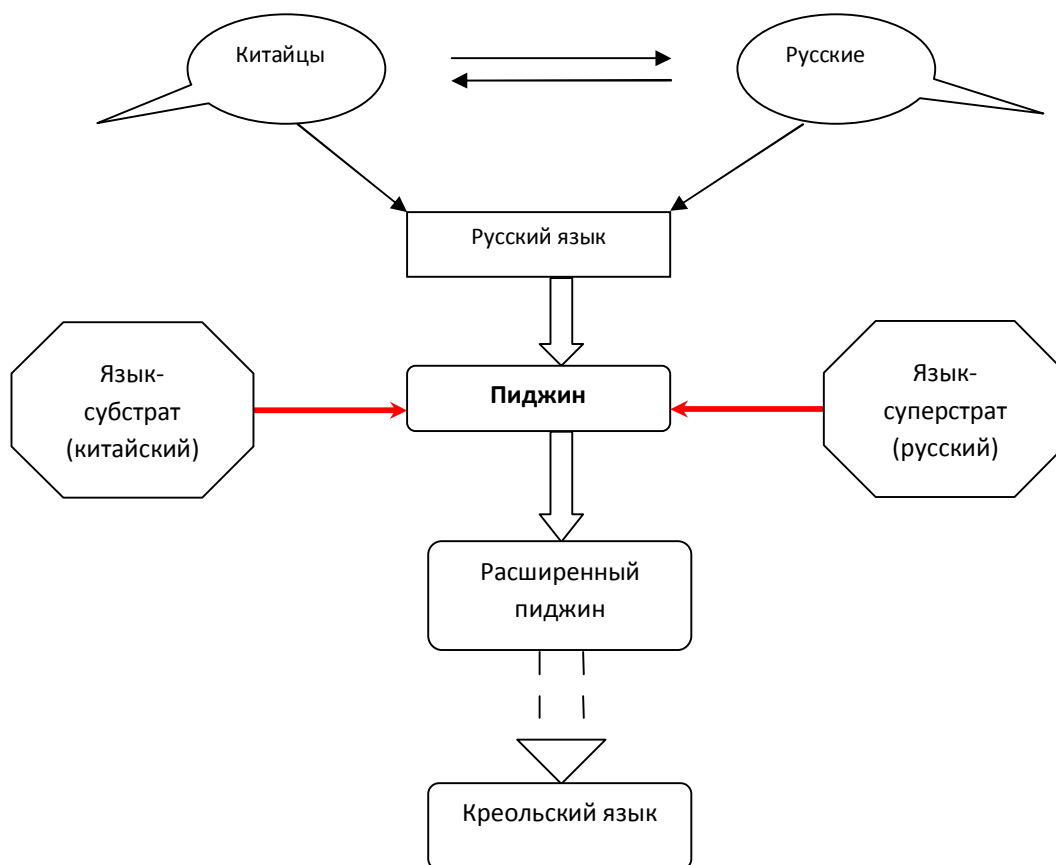
В целом русско-китайский пиджин Забайкалья возникает и развивается в результате двух взаимонаправленных процессов:

- 1) редукция, модификация языка-суперстрата под язык-субстрат со стороны носителей китайского языка.
- 2) сознательное упрощение языка-суперстрата со стороны носителей русского языка

Процесс воздействия языковых факторов на русско-китайский пиджин Забайкалья и его возможной дальнейшей эволюции можно представить в виде следующей схемы:

¹ В последующих главах эти термины могут быть применимы к выделяемым нами языковым особенностям данного пиджина, но не являются центральными для данного исследования. Основную нашу задачу, как исследователей, мы видим в опыте описания Современного русско-китайского пиджина Забайкалья, выявления его языковых особенностей.

Рис. 1. Воздействие языковых факторов на русско-китайский пиджин Забайкалья.

Как следует из схемы, языковые средства русского языка в рассматриваемом пиджине подвергаются двустороннему воздействию: со стороны китайских носителей происходит адаптация этих средств к грамматике китайского языка; со стороны русских – осознанное упрощение языковой системы вплоть до ошибочного словоупотребления. В связи с таким воздействием под влиянием как внутренних, так и внешних тенденций пиджин образует собой новую языковую организацию – самодостаточную устную форму общения русских и китайцев, не обучавшихся иностранному языку специально. Далее данная форма общения подвергается, на наш взгляд, выборочному воздействию со стороны языковой системы языка-субстрата (китайский язык) и языка-суперстрата (русский язык), в результате чего происходит расширение пиджина и его дальнейшая стабилизация при условии благоприятности социолингвистических факторов на данном коммуникативном пространстве.

1.7.1 Субстративные явления

Русско-китайский пиджин Забайкалья имеет в своей основе языковые средства русского языка, которые функционируют в нем в соответствии с грамматикой китайского языка.

«Китайский язык относится к языкам изолирующего типа. Его отличительной особенностью является отсутствие морфологического словоизменения: китайские существительные не различаются по родам, не изменяются по числам, не склоняются по падежам; глаголы, как и существительные, не изменяются по числам и родам, им несвойственно также спряжение по лицам, в китайском языке отсутствует система залогов и наклонений; прилагательные не изменяются по родам, числам и падежам, они не имеют степеней сравнения (эти значения выражаются лексическими средствами).

В силу перечисленных особенностей грамматическая функция слова в китайском предложении определяется главным образом порядком слов, нарушение которого, как правило, приводит к изменению связи между ними. Для китайского языка характерен твердый порядок слов, отступления от которого обуславливаются строго определенными обстоятельствами. Наиболее употребительной формой простого предложения является в китайском языке модель "подлежащее-сказуемое-дополнение"» [Задоевко, 2002 с.50-51].

«В отличие от «естественного» языка, пиджин не имеет «жёсткой» грамматики; это касается и порядка слов в предложении. В такой ситуации интерпретация конкретного высказывания в большой степени определяется контекстом» [Перехвальская, 2006 с.8]. Установка на живое общение, спонтанность речепроизводства определяют такое свойство рассматриваемого нами пиджина, как вариативность порядка слов (исключая устойчивую позицию предиката в конце предложения), что не может относиться к субстративным явлениям.

Тем не менее типологический строй китайского языка – языка-субстрата – оказывает значительное влияние на языковые особенности современного русско-китайского пиджина Забайкалья. Данное влияние отражается в таких его грамматических чертах, как отсутствие словоизменения или неполная парадигма словоизменяемых форм, экспансия формы именительного падежа, выступающей в функции косвенных падежей, аналитические формы с использованием предлогов и частиц, заменяющих соответствующие предложно-падежные формы, регулярное использование глагольных форм императива и инфинитива вместо личных видо-временных форм глагола и такое регулярное использование форм 1-го лица на месте других личных глагольных форм.

Перечисленные выше грамматические особенности пиджина относятся к субстративным, то есть оформившимся и действующим в пиджине в связи с определяющим воздействием грамматики языка-субстрата – в нашем случае китайского, который является изолирующим по своему типологическому строю, в отличие от языка-суперстрата – русского языка флективного типа.

1.7.2 Суперстративные явления

Главные носители пиджина – китайцы (чаще являющиеся торговцами) – более всего заинтересованы в вербальной коммуникации в силу профессиональной необходимости. Они стремятся к овладению русским языком только в той степени, которая необходима для элементарной коммуникации в процессе торговли. Совершенно не нужно знать склонение существительных, если это не мешает, например, продать пару свитеров. Они не обучаются русскому литературному языку. Они работают с тем языковым материалом, с каким им приходится работать. И этот материал прежде всего разговорная речь.

Индивидуальные предприниматели, так называемые «челноки» – это важные носители русско-китайского пиджина со стороны русского этнолекта. Но не все покупатели, случайно или специально забредшие на китайский рынок, владеют пиджином. Китайцы же от этого не перестают оставаться носителями пиджина и продолжают общаться с русскими на нем. Коммуникация удаётся –

покупатель слышит пиджин, воспринимает его как неправильную русскую речь, понимает ее, так как помимо вербальных средств в процессе общения используются невербальные: жесты, мимика, окружающий контекст. Далее говорит с китайцем по-русски, максимально упрощая высказывания, допуская ошибки против системы языка, но в пользу понимания в данный момент речи. Здесь можно говорить о переключении кода в речи покупателя. Нередко покупатели – носители русского языка, строят свои высказывания с нарушением грамматических правил русского языка – с отсутствием словоизменения существительных, спрягаемых форм глагола и так далее. В коммуникативных целях в ситуации торга они как бы «подстраиваются» под речь китайских торговцев – носителей пиджина. Иногда покупатель говорит свободно, также, как и всегда, в случае же непонимания со стороны собеседника импровизирует, усиливает жестикуляцию, использует лексические повторы и т.д. И весь этот процесс общения между людьми, не знающими языка друг друга, не что иное, как живая межэтническая коммуникация на пиджине.

Таким образом, китайцы не обучаются русскому языку, они усваивают его в свободной разговорной среде, в частности, в среде рыночной торговли в элементарной степени, необходимой для процесса общения – в основном это лексика. На основе усвоенного создается и далее развивается новое средство межэтнического общения – пиджин. На наш взгляд, в пиджине механизмы русской разговорной речи уже запущены изначально и продолжают действовать в нем и влиять на его особенности – и их нельзя не принимать во внимание.

Так, при анализе свойств русско-китайского пиджина Забайкалья считаем необходимым учитывать особенности системы русской разговорной речи, ее уникальные черты на синтаксическом уровне, в частности.

Разговорный язык долго оставался не замеченным исследователями. Долгое время считалось, что говорят так же или примерно так же, как и пишут. Только в 60-е гг. XX века, когда появилась возможность фиксировать разговорную речь с помощью магнитофонов, речь попала в полном объеме в поле зрения лингвистов.

М. В. Панов по этому поводу писал, что «первые записи русской разговорной речи произвели смятение: многим показалось, что это запись речи «некультурных» людей». Но языковеды, сделавшие эти записи, особо подчеркивали высокий социальный статус и уровень образования информантов – это профессора, академики, писатели, видные общественные и политические деятели.

О лингвистической природе разговорной речи до сих пор ведутся споры. Но мы придерживаемся точки зрения таких учёных, как М. В. Панов, Д. Э. Розенталь, Е. А. Земская, которые рассматривают РР как особую языковую систему, противопоставленную в пределах литературного языка кодифицированному литературному языку.

Характеристика русской разговорной речи как спонтанной, диалогической речи, проходящей в условиях межличностной коммуникации, обуславливает ее основные функциональные черты: непосредственное участие в речевом акте адресанта и адресата речи; непринужденность общения; устная форма; диалогичность; спонтанность, динамичность; ситуативность, т.е. опора на ситуацию; опора на общую апперцепционную базу партнеров по диалогу, т.е. знание того, о чем идет речь, фонд фоновых знаний [Земская, 1987].

Данные функциональные черты полностью применимы и к пиджину: в речевом акте участвует как адресант, так и адресат, общение неофициальное, непринужденное, производится в устной форме; речь на пиджине спонтанна, динамична, диалогична; существует опора на ситуацию, окружающий контекст и на общую апперцепционную базу. Приведем отрывок из диалога на русско-китайском пиджине Забайкалья:

рус. - Сколько стоит?

кит. - Такой ла? Такой же холоший / Качесва холоший //

рус. - Ну / хороший / потрогай / Как-будто бы //

кит. - Лазный лазмел // Очень класивый а / Нада?

рус. - Мне нет //

кит.- Посмотри / Посмотри / На / Качесва холоша //

...

кит.- Очень / Очень а качесва холоша да //

рус. - Триста пятьдесят / да?

кит. - Да-да-да //

кит. - Тебе, куня, то есь / Помель а? Тебе нада куня? Теплый селый есь //

рус. - А че триста пятьдесят-то?

кит. - Помель пока //

рус. - А за триста-то нельзя?

кит. - Это оптом цена тлиста пятьдесят // Такие тоже четылеста лубли давай // Помель //

кит. - Куня! Тебе нада?

кит. - Теплый селый то есь / аха / куня?

Перечисленные функциональные характеристики обуславливают такие синтаксические свойства русско-китайского пиджина, которые можно отнести к суперстративным явлениям. Это фонд речевых стереотипов, в данном случае постоянно употребляемых китайцами – носителями пиджина, слов и выражений в ситуации рыночной торговли, структурная неполнота предложений и тесно связанные с этим явлением эллиптичность, предикативно-смысловая синкретичность высказывания, опирающаяся на ситуативность и общую апперцепционную базу участников диалога, избыточность речи (повторы), конструкции наложения или интерференции.

Таким образом, русско-китайский пиджин Забайкалья, имея под собой разговорную почву, характеризуется многими чертами русской разговорной речи. При этом грамматика пиджина стремится к стандартам языковой системы китайского языка. Влияние этих особенностей на дальнейшее расширение пиджина спорно. Факт же самого влияния несомненен, поэтому необходимо более детальное и системное изучение всех этих процессов, дальнейшее наблюдение и фиксация новых языковых фактов, работа с разными литературными источниками.

Выводы по главе 1

1. В большинстве случаев пиджин не воспринимается как «язык» даже самими говорящими. Часто он считается девиантным диалектом, описывается как «ломаный», «испорченный» язык. Такое пренебрежение к «неправильной» речи стало основной причиной малоизученности пиджинов на сегодняшний день.
2. На языковом уровне пиджинизация проявляется прежде всего в упрощении сложных грамматических моделей языка-лексификатора, развитии аналитизма.
3. Один из основных признаков пиджина – его ситуативное использование: пиджин представляет собой контактный язык и существует прежде всего как язык торговли.
4. Изучение пиджинов, возникших в различных условиях, отличных от западных моделей, важно для теории языковых контактов и креолистики: оно может внести коррективы в понимание общих механизмов пиджинизации. К таким идиомам относятся и русские пиджины.
5. Современный русско-китайский пиджин Забайкалья или забайкальско-маньчжурский препиджин возник в начале 90-х гг. XX в. в связи с возобновлением и активизацией русско-китайских пограничных контактов. Исторически он восходит к кяхтинскому торговому пиджину, который функционировал в XVIII-XIX вв.
6. Челночный бизнес, зародившийся в 90-е гг. на приграничных с Китаем территориях в связи с активизацией русско-китайских контактов, стал одним

из основных факторов зарождения и развития современного русско-китайского пиджина Забайкалья.

7. Типологический строй китайского языка – языка-субстрата – оказывает значительное влияние на языковые особенности современного русско-китайского пиджина Забайкалья, которое отражается в таких его грамматических чертах, как отсутствие словоизменения или неполная парадигма словоизменяемых форм, экспансия формы именительного падежа, регулярное использование глагольных форм императива и инфинитива и др. Мы определяем эти черты как **субстративные**.

8. Функциональные характеристики пиджина обуславливают синтаксические свойства русско-китайского пиджина, которые можно отнести к **суперстративным явлениям**. Это фонд речевых стереотипов (в ситуации рыночной торговли), структурная неполнота предложений и тесно связанная с этим явлением эллиптичность, предикативно-смысловая синкретичность высказывания, избыточность речи (повторы), конструкции наложения или интерференции и др.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЙ РУССКО-КИТАЙСКИЙ ПИДЖИН ЗАБАЙКАЛЬЯ В СТРУКТУРНО-СИСТЕМНОМ АСПЕКТЕ

2.1 Фонетические особенности

На фонетические черты русско-китайского пиджина Забайкалья оказывает влияние фонетическая система языка-лексификатора – русской разговорной речи. Произносительные нормы разговорной речи в целом соблюдаются (например, аканье, произношение твердых и мягких согласных в сильной позиции, разграничение взрывных, фрикативных согласных и аффрикат и т.д.).

Что касается фонетических особенностей пиджина – они, как и грамматические, во многом обусловлены стандартом родного языка, в данном случае – китайского. «Так, носители китайского языка имеют тенденцию «тонировать» слова как русского языка, так и русско-китайского пиджина, т. е. произносить их так, как если бы каждый слог был ударным. При этом каждый слог получает определенный тональный рисунок, что свойственно китайскому языку» [Перехвальская, 2013 с.334].

Нами выявлены некоторые характерные произносительные черты забайкальского пиджина, обусловленные спецификой фонетического строя китайского языка.

Так, произношению в пиджине Забайкалья свойственна:

1. Артикуляция гласных и согласных по типу китайского языка. В частности, она находит проявление в замене небно-язычного дрожащего [r] на боковой [l]:

Андрей → *Андлей*, *говорить* → *говоллить*, *работа* → *лалбота*,
курит → *куллить*².

² В иллюстративном материале используется упрощенная транскрипция, передающая речь китайских торговцев.

Эта черта широко распространена среди носителей китайского языка, обучающихся или обучившихся говорить на русском языке. Она объясняется тем, что в китайском языке не существует оппозиции сонорных фонем по способу образования ‘дрожащий – смычно-боковой’ как в русском, и в речевой практике, в живом произношении происходит нейтрализация этого признака и реализация специфической сонорной фонемы китайского языка в русском звуке [л].

Безусловно, здесь можно говорить о плохом усвоении произносительных норм современного русского языка, однако в нашей работе актуален не лингводидактический, а социолингвистический аспект, связанный с исследованием закономерностей формирования и функционирования пиджина как результата межъязыкового контактирования. В связи с этим важным представляется точная фиксация и описание всех типичных фонетических явлений, распространенных в речи носителей пиджина.

Другой чертой своеобразного артикулирования согласных звуков является неразличение парных по звонкости/глухости согласных. В результате возникают такие звуковые мены, как:

Рита → *Лида*, *войдите* → *вайдиде*,

позавчера → *посавчела*, *музыка* → *мусыка*

Хотя в звуковом строе китайского языка фонологический признак глухости-звонкости тоже релевантен, в пиджине допускается неразличение согласных по этому признаку; на наш взгляд, это связано с действием ассимилятивно-диссимилятивных процессов в русском языке. Так, дистантная ассимиляция обнаруживается в примере *вайдиде*.

Менее часто встречаются мены щ/с’ ц/с ч/т’: *потолще* – *потолсе*, *цвет* – *свет*, *замочк* – *замотька*, *носочк* – *носотьки*.

2. Тенденция к избавлению от закрытых слогов:

Кольцо → *калицо*, *где* → *гыде*.

Данное фонетическое явление отражает столкновение синтагматических особенностей русского и китайского языков. В русском языке сочетание не более трех согласных с определенными артикуляционными характеристиками является допустимым: в частности, сочетание двух смычно-взрывных (*когда*, *оптом*, *обговорить* и др.), сочетание сонорного с рядом других согласных (*волк*, *пальто*, *ворс* и др.) возможны. Для многих типологически иных (агглютинативных, изолирующих) языков такая синтагматика невозможна. В случае появления необычных сочетаний звуков происходят разнообразные фонетические процессы, в частности, актуализируются разного рода эпентезы. Аналогичные процессы наблюдаются у заимствованных русских слов в бурятском языке.

3. Сокращение количества слогов в русских словах:

Кушать → *куш*; *помогать*, *помогаете* → *помога*.

Один из слогов в словах русско-китайского пиджина является сильноударным, остальные значительно уступают ему по силе и интенсивности, а некоторые неударные слоги вообще утрачиваются. Подобная редукция – выпадение отдельных звуков и целых слогов, отмечается в русской разговорной речи (ср. *здрасьте* вм. *здравствуйте*, *смари* вм. *смотри*, *челаэк* вм. *человек* и др.), однако в пиджине наблюдается своеобразие этого фонетического процесса, заключающегося в редукции конечных слогов.

2.2 Грамматические особенности

Как известно, отличительной чертой пиджина является упрощенная грамматика, и русско-китайский пиджин в этом случае не является исключением. В его основе находятся грамматические средства русского языка, функционирование которых отражает воздействие грамматических правил китайского языка.

2.2.1 Части речи в пиджине

Знаменательные слова в русско-китайском пиджине представлены существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, глаголами и наречиями. Приведем типичные примеры, где частеречная принадлежность слов не вызывает сомнений:

(сущ+нар+глагол) *Голова холошо лаботать*

(сущ+прил) *Куня класива*

(мест+прил+сущ+глагол) *Тебе китайска еда нлавица?*

(сущ+числ+сущ+нар+мод.слово) *Собака питьнаць лет – потом нету.*

(мест+нар+глагол) *Я тож уме!*

(числ. +сущ.+мод.слово) *Писят рублей нада*

В коммуникативном аспекте в речи китайских торговцев выделяются более употребительные грамматические классы слов, условно их можно назвать словами активного запаса, и менее употребительные – слова пассивного запаса. Словами активного запаса являются предикативные наречия с модальным значением: слова типа *надо* с отрицанием *не надо, можно, нету*. Например:

Муж нету, Здеси подъезд нету, Малина вчела нету, Собака питьнаць лет – потом нету, Ключ нету, Половина надо, Я говоли "Салалка" надо....

Приведенные примеры свидетельствуют о более широких грамматических возможностях употребления указанных предикативных слов. Так, например, очевиден более широкий спектр модально-временных значений в пиджине у безличного слова *нету* (у него могут реализовываться значения и настоящего, и прошедшего, и будущего времени).

Часто в речи китайских торговцев используется слово *потом* с более широкими, чем в современном русском литературном языке, грамматическими функциями:

Ты потом Халбин надо, Я потом звонить – можно?, Чучути потом можно? Ты потом мне помога такой купить? Ты потом говори, холошо?

Слово *потом* в подобных контекстах усиливает модальный оттенок сомнения, предположения (Действительно ли я могу позвонить?), просьбы (Ты мне поможешь это купить?), подчеркивая значение будущего времени (Ты будешь разговаривать, да?). Такое контекстное варьирование значений слова отражает характерную для разговорной речи диффузность семантики слова *потом*, предопределяющую зависимость значения слова от его синтагматических связей и более широкого контекста, обусловленного разнообразными функционально-коммуникативными факторами.

Из служебных частей речи в современном русско-китайском пиджине используются союзы и частицы *а, если, и, не*, в том числе фразовые частицы *да, ма, а, ла*; встречаются предлоги и междометия *в, для, без, у, ха-ха*:

В голоде «Бамбук» сколько?;

БГУ – самый холоший в Булятия?;

Че ха-ха?;

Я не Халбин;

А если учища и кафе лабота?;

«Для меня дешево»;

В Лоссии такая цена тли тысячи штолы низя!;

Без лазмела;

А у нас все - нет панды.

Джеки Чан кун фу очень холошо, да?

Чучуть тоненька вот эта ма.

Лазмел какой a?

Деньги нету да!

При неактуальности словоизменения под влиянием языка-субстрата в пиджине служебные слова приобретают особую роль.

Иногда в речи носителей пиджина наблюдается отсутствие частеречной категоризации слов:

Катя очень холошо (хорошая);

Девушка танцы можно? (танцевать);

Халбин очень класиво (красивый).

Таким образом, в речи китайских торговцев выделяются более употребительные грамматические классы слов, условно их можно назвать словами активного запаса, и менее употребительные – слова пассивного запаса. Предикативные слова в речи на пиджине приобретают более широкие грамматические возможности употребления. В речи на пиджине выявляется контекстное варьирование значений слов, что характерно для разговорной речи. Особую роль в современном русско-китайском пиджине играют служебные слова.

2.2.2 Словоизменение в пиджине

В отличие от естественного языка грамматика пиджина не укладывается в жесткие рамки правил без исключений. В связи с чем интерпретация конкретного высказывания во многом определяется контекстом. Установка на живое общение, спонтанность речепроизводства определяют такое свойство рассматриваемого нами пиджина, как вариативность порядка слов (исключая устойчивую позицию предиката в конце предложения).

Итак, китайский язык относится к языкам изолирующего типа, в котором словоизменение отсутствует. Этот фактор во многом обуславливает отсутствие

словоизменения или неполную парадигму словоизменительных форм в русско-китайском пиджине:

Ключ нету. «Ключей нет»

Ты где надо? «Тебе куда нужно?»

Собака сколько год? «Сколько лет собаке?»

Ехать тли час. «Ехать три часа».

Этим объясняется и использование предлогов и частиц, заменяющих функции косвенных падежей:

БГУ – самый холоший в Булятия? «БГУ – самый хороший в Бурятии?»

Я не Халбин «Я не из Харбина».

В русско-китайском пиджине наиболее частотным является использование глагольных форм императива и инфинитива. Формы императива употребляются не только в своей первичной грамматической функции (побуждения к действию: *Вайдиде. Ты помога. Ты говори, где надо ехать*), но и в функциях других глагольных форм:

Ты потом мне помога такой купить? «Ты мне поможешь это купить?» (с модальным значением просьбы);

Ты потом говол, холошо? «Ты будешь разговаривать, да?»;

Я не слушал, чё говол – ты звони «Я не слышал/не понял, что мне сказали – позвони ты».

Подобное расширение грамматических функций наблюдается и в употреблении форм инфинитива:

Давно не говолить луски «Давно не говорил по-русски»;

Я не кулить «Я не курю»;

Почему когда я говолить, ты не понимать? «Почему ты не понимаешь то, что я говорю?»;

Длуг тоже учиться? «Друг тоже учится?»;

Ты потом заклыть «Ты потом закрой».

Использование личных глагольных форм в русско-китайском пиджине также небезошибочно:

Почему не понимаю? «Почему не понимаешь?»;

Ты че хочу писать? «Что собираешься писать?»;

Ты сейчас могу? «Ты можешь сделать это сейчас?»;

Катя чифа хочу? «Катя хочет кушать?/Катя собирается поесть?».

Тем не менее, нельзя говорить только о неусвоенности глагольного словоизменения. Коммуникативная направленность пиджина определяет стремление к упрощению структуры языка, которое неизбежно ведет к «ошибкам». Выявление закономерностей в «ошибочном» использовании тех или иных форм позволяет говорить о некоей системности.

В приведенных примерах употребление формы 1 лица вместо 2-го и 3-го в ситуации непосредственного общения не затемняет смысла сказанного. С одной стороны, «ошибочное» употребление рассматриваемой формы говорит о нерелевантности флективных показателей грамматического значения для китайцев как носителей пиджина. Основание для такого предположения – отнесенность китайского языка к языкам изолирующего типа, в отличие от русского – флективного. С другой стороны, здесь обнаруживается своеобразный тип речевой коммуникации. В данном случае говорящий субъект (носитель пиджина), используя формы 1-го лица в вопросительных предложениях, как бы

моделирует речевое поведение адресата, и в своей целеустановке на запрос информации одновременно берет на себя роль адресата, условно замещая его, отвечая за него.

2.2.3 Экспансия формы именительного падежа в русско-китайском пиджине Забайкалья

Среди грамматических особенностей русско-китайского пиджина большой интерес представляет употребление форм именительного падежа.

В парадигме словоизменения русско-китайского пиджина именительный падеж занимает доминирующее положение. Экспансия именительного падежа в речи коммуникантов проявляется в том, что его функциональная нагрузка гораздо больше. Он зачастую берет на себя функции косвенных падежей:

Р.п. - Муж нету/Рубль сколько?/Деньги много надо/Мой долг день ложденья.

Д.п. - Собака сколько год?/Ты тож Китай можно.

В.п. - Ты книга тиса/Половина надо/Лапша ела/Собака тоже куш можно.

Т.п. - Ты тоже хочу официант?/Я не умею карандаш.

П.п. - Почему гунзо <работаешь – Н.Ж.> Улан-Удэ?/Ты где учиться – институт, да?

Такая особенность во многом объясняется типологическим строем китайского языка, определяющим практическое отсутствие именного словоизменения в языковой системе русско-китайского пиджина, обусловленное стремлением к разрушению и упрощению сложных грамматических моделей, развитием аналитизма и изоляции в нем.

Тем не менее, экспансию именительного падежа нельзя назвать явлением, актуализированным лишь для русско-китайского пиджина: в работе Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Е. Н. Ширяева [Земская, 1981 с.29-30],

посвященной русской разговорной речи, проведен анализ записей устной речи и, в частности, утверждается, что, среди падежных форм имен существительных в русской разговорной речи наиболее частотными также являются формы именительного падежа.

«Впервые описание употреблению именительного падежа существительного в разговорной речи было сделано О. А. Лаптевой [1966], назвавшей это явление «экспансией именительного падежа» [Земская, 2006 с.163].

Полифункциональность именительного падежа в разговорной речи во многом является результатом аналитизма разговорной речи. В конструкциях с именительным определенным смыслом выражается с помощью таких суперсегментных средств, как порядок слов и интонация. Например:

Он Ростовский университет – Он учится в Ростовском университете

Молоко пакет – пакет молока

Именительный падеж в разговорной речи широкоупотребителен в функции сказуемого, относящегося к именительному подлежащего:

А: (Слышит детские голоса в трубке) - *Это что? Дети откуда у тебя?*

Б: - *Это за окном...*

А: - *А-а! Ты же второй этаж.*

Именительный падеж встречается в устной разговорной речи, также как и в пиджине, в любых предложных и беспредложных позициях, выступает в роли других падежей:

Р.п. - *У них шкаф карельская береза.*

В.п. - *А рассольник половина нельзя взять?*

Т.п. - *Его ученики были наши учителя.*

Для пиджина, как и для русской разговорной речи, характерна ситуативность его употребления. Она, на наш взгляд, также во многом обуславливает преимущественное использование форм именительного падежа. Например, фразу «Ты где надо?» можно понять только с учетом той речевой ситуации, когда коммуниканты находятся в транспорте и китайский собеседник спрашивает носителя русского языка: «Тебе где надо выходить?».

Таким образом, можно констатировать, что особенности функционирования именительного падежа в русско-китайском пиджине определяются не только языковым стандартом китайского языка, не менее значим и функциональный аспект, предполагающий учет речевой ситуации в целом. Ситуативность речевого использования, жестикуляция, интонация, окружающий контекст в определенный момент речи позволяют избежать непонимания и, как следствие, коммуникативных неудач, как при обычном общении, так и при межэтническом. Поэтому можно говорить о неактуальности использования развитой системы словоизменения в устной речи и, в частности – в русско-китайском пиджине.

Может ли здесь идти речь о неусвоенности парадигмы словоизменения коммуникантами – носителями русско-китайского пиджина - и, как следствие, ошибочности в словоупотреблении? Да, нельзя не учитывать тот факт, что обычно пиджин считается девиантным диалектом, который описывается как «ломаный», «испорченный», «искаженный» язык и не рассматривается как язык даже теми, кто на нем говорит. Однако Е. В. Перехвальская в [Перехвальская, 2008 с.21] показывает, что пиджин является не упрощенным вариантом языка, а результатом его полной перестройки. После определенных стадий развития, пиджин расширяется и превращается в нормальное средство коммуникации. Поэтому очень важно то, что говорящие на пиджине не стремятся выучить язык – им важно только само общение.

Это еще раз доказывает нерелевантность флективных показателей грамматического значения для китайцев, как носителей пиджина, неактуальность

использования ими развитой системы словоизменения в своей речи и, следовательно, – отсутствие мотивации для ее усвоения.

Кроме того, неувоенность словоизменения не может являться главным фактором в предопределении грамматических особенностей пиджина, в частности – экспансии именительного падежа, хотя бы уже в силу того, что пиджин – разновидность прежде всего устной речи. А значит, логично будет предположить, что он наследует и отражает многие ее особенности, в том числе – стремление к анализиру, спонтанность, ситуативность – то есть те признаки, которые и определяют явление экспансии форм именительного падежа в пиджине.

2.3 Словообразовательные особенности

Ли Сяндун со ссылкой на статью Лю Мицина указывает, что «китайский язык в основном склонен к мотивированному, лаконичному и конкретному выражению лексического значения, не поощряется выражение значения в непривычной или непонятной для данного языка форме. Поэтому словообразование китайского языка осуществляется главным образом за счет словосложения, новое понятие в китайском языке чаще всего получает свою форму выражения в виде неологизма на основе сложения двух или нескольких свободных морфем, уже имеющих в семиотической системе». А в русском языке форма не имеет непосредственной связи со значением, поэтому изменение семантики может происходить без изменения словоформы. Это делает русский язык более открытым для развития переносных значений [Сяндун, 2003].

Отсюда – в русско-китайском пиджине специфическими словообразовательными особенностями являются:

а) активное употребление сложных составных наименований (*папа-мама* ‘родители’, *китай-человек* ‘китаец’, *китай-люди* ‘китайцы’, *девушка-друг* ‘подруга’, *мужчина-друг* ‘друг; знакомый’, *мужчина-друг-китай* ‘друг из Китая/друг-китаец/китайский друг’)

б) частотное использование в речи коммуникантов комплитивных сочетаний типа *чучути потом, еще чучуть больше, очень холошо*.

Функционирование таких языковых единиц отражает влияние языка-субстрата, т.е. китайского языка и, соответственно, аналитического способа выражения как грамматических, так и лексических значений. Тут мы сталкиваемся с неким калькированием в русском специфических словообразовательных моделей китайского языка.

2.4 Лексические особенности

Н. Б. Вахтин и Е. В. Головки указывают на ограниченный словарь и чрезвычайно простую грамматику, подчеркивая, что пиджину не свойственна избыточность, а единственная из традиционно выделяемых языковых функций, которую он реализует – коммуникативная [Вахтин, 2004 с.139-140]. Аналогичного мнения придерживается и Е.В. Перехвальская, описывая пиджин как «результат ‘минимизации’ языка, когда в целях передачи простейшей коммуникативной информации используется крайне ограниченный словарь, организованный в высказывания простейшим способом со значительной опорой на дискурс» [Перехвальская, 2006]. Лексика каждого пиджина практически полностью заимствуется из языка-источника (который так и называется – *лексификатор*). Однако, имеются случаи, когда лексика пиджина восходит не к одному, а к двум языкам, примером чего служит руссенорск.

В словарном составе русско-китайского пиджина Забайкалья, который является объектом нашего исследования, наблюдается функционирование генетически и стилистически разнородных классов слов. В целом, лексику данного пиджина можно представить как единство четырех ее разделов. Это:

1. общеупотребительная лексика русского языка (наименования предметов (часто атрибутов торговли), действий, состояний; наименования денежных единиц; наименования временных и пространственных локализаторов ситуации; обращения и др.);
2. просторечная русская лексика и просторечные варианты общеупотребительных слов; жаргонная и инвективная (редко) лексика;
3. общеупотребительная китайская лексика;

4. англоязычные вкрапления.

Общеупотребительная лексика русского языка занимает большую часть всего словарного состава данного пиджина, составляя его лексический фонд. Это слова, называющие конкретные предметы, признаки, процессы. В основном это атрибуты торговли: наименование товара, его классификация, характеристики, различные обращения к покупателю, автоматизированные выражения, характерные для рыночной торговли и т.д. Приведем некоторые примеры:

1. предметы одежды: *кофты, колотки, пуховык, носотьки, блюки, костюм, толстовка*
2. часть одежды: *замотька, волотник*
3. предметы интерьера: *штолы*
4. детские игрушки: *панда, кошка, тигла*
5. денежные единицы: *юань, юаней, лубль, лубли*
6. единицы измерения: *метла*
7. обращения: *мужчина, девушка, лусска,*
8. атрибуты торговли: *лазмел, товал, качесва, деньги, цена, цвет, камлетка, комплек, (комплект), подалок, оптом*
9. состав изделия: *хыби, шелсть,*
10. описание товара: *маленька, больша, бошшая, чучуть больше, больше, побольше, меньше, поменьше; класиво, класивый, очень класивый; толстый, толстыйа, толста, потоньше, тоненький, потолсе, толстый, тоненька; длинно, длинны, новий, теплый, лазный*
11. оценочные слова: *холошо, лучше, нолмална, холоший, дешево, подешевле, адидаса, фаблика*
12. цвета: *сельй, синий, чёлно*
13. действия: *купить, помелю, помель, смотли, посмотли, учиться, говолить, говолу, сказа, стилать, поищи, подождитя*
14. предикаты: *нада, есь, нету, нету ла, можна, похожа*
15. местоимения: *суда (сюда), эта ма, эта, вот эта, какой, ты, тебе, моя*
16. числительные: *один, сто писят, тлицать пять, семисят*

17.автоматизированные выражения: «почём хочеша» (разг.); «точно чисна хэбэшка», «как лаз ма» и др.

Ситуация рыночной торговли не требует обширного словарного запаса, поэтому он сравнительно беден, но абсолютно достаточен для достижения коммуникативных целей участников общения на пиджине (продать или купить товар).

Просторечная русская лексика по нашим источникам в данном пиджине представлена достаточно узко, поэтому ее выделение мы считаем в некотором смысле спорным. Тем не менее, приведем примеры:

чѐ (что) Чѐ говори, а?
 Еще чѐ говори?
 Еще чѐ говори нада?
 Чѐ хочу? Домой хочу.

щас (сейчас) Ты щас тоже учиться, да?
 Это щас слышать можна?
 Зима? Щас тоже зима.
 Панда щас не холоший

дулак (дурак) Я не дулак.
 врать (говорить неправду) Почему врать?

В данном случае употребление просторечных слов диктуется динамикой разговорного общения, непринужденностью беседы.

Общеупотребительная китайская лексика используется в пиджине часто, но представлена всего несколькими словоформами, такими как:

куня (девушка), юань, тофу, пьёлэа (красивый), чифа (кушать), мин бай (понятно/понимать), гунзо (работать), йоу/мей йоу (иметь/не иметь), хао/бу хао (хорошо/плохо)

Использование китайской лексики предполагает понимание ее собеседником.

Английские вкрапления представляют собой одно часто употребляемое носителями пиджина слово «*бэйби*» (англ. «ребенок»).

Таким образом, среди лексических особенностей русско-китайского пиджина следует отметить использование общеупотребительной китайской лексики: *куня* ‘девушка’, *тофу* ‘соевый творог’, *пъёлэа* ‘красивый’, *гунзо* ‘работать’, *чифа* ‘кушать’, *йоу/мей йоу* ‘иметь/не иметь чего-л.’, *хао/бу хао* ‘хорошо/плохо’, а также английского вкрапления типа *бэйби* ‘ребенок’. Данные заимствования из китайского языка употребляются как варваризмы, т.е. в своем функционировании они не адаптируются по законам русского языка, что в принципе следовало ожидать, поскольку в основе русско-китайского пиджина лежит упрощенная грамматическая система, ориентированная на грамматический строй русского языка. Таких заимствований в забайкальском пиджине не так много: в основном это слова, которые находятся в постоянном речевом обиходе. Характерно то, что в результате межэтнического и межъязыкового взаимодействия заимствованию подвергается в первую очередь безэквивалентная лексика (среди приведенных примеров – слово *тофу*). Однако в пиджине наблюдается иная картина: в нем при обозначении общеизвестных реалий используются те слова, которые имеют эквивалентные наименования в другом языке. Если говорить о словарном составе русско-китайского пиджина Забайкалья, то в нем базисной является русская лексика. В связи с этим употребление китайских лексем *пъёлэа* ‘красивый’, *гунзо* ‘работать’, *чифа* ‘кушать’ вместо существующих для наименования соответствующих реалий русских слов вызывает вопросы. К сожалению, причин, объясняющих эту языковую особенность пиджина, выявить пока не удалось.

Но мы предполагаем, что они употребляются в каких-то устойчивых оборотах, речевых штампах, стереотипных речевых ситуациях (являются некоей стандартной этикетной формой-репликой, напр., *чифа* часто звучит в вопросе *кушать хочешь?*). Возможно, имеет место и закон экономии речевых усилий,

диктующий замену многосложных словоформ более простыми, почерпнутыми из родного языка носителей пиджина – китайского.

Как мы уже знаем, отличительной чертой пиджина является упрощенная грамматика – являясь своеобразной формой контактного языка, пиджин не имеет строгих правил грамматики. И русско-китайский пиджин Забайкалья не является исключением. В его основе находятся грамматические средства русского языка, функционирование которых отражает воздействие грамматического строя китайского языка.

В такой ситуации интерпретация конкретного высказывания в большей степени определяется контекстом. Напр.: (В магазине игрушек) *Это учиться говорить*. может быть проинтерпретировано как ‘Это поможет научиться говорить’, ‘Это учит говорить’, ‘Этому надо учиться, я всегда это говорю’ и т.д. Интерпретация предложения зависит от контекста, который в этом конкретном случае указывает на такую интерпретацию: ‘Эта игрушка умеет разговаривать’. Тем не менее *учиться* и *говорить* всегда рассматриваются как глаголы. Понимание того, к какой части речи относятся лексемы, составляющие предложение, происходит ранее его интерпретации. Иными словами, наблюдается высокий уровень коммуникативной зависимости семантики слова.

Вот другие примеры высказываний на пиджине в ситуации рыночной торговли:

Это серый кошка. Тожэ учиться говолить. «Это серая кошка. Тожэ умеет разговаривать»

Не похожа моя? «Не похож на меня?»

Вот это тебе надо минимум четылеста лубль давай. «Чтобы купить это, тебе нужно заплатить не меньше четырехсот рублей»

Ты сказа юань нету ла. «Ты сказала, что у тебя нет юаней»

Такие тоже четылеста лубли давай. «Такие тоже стоят четыреста рублей»

Ты нада семисят юань давай – это костюм. «Нужно заплатить семьдесят юаней – это костюм»

Зачем куня маленькая – нету, тебе – тоже нету?! «Почему у девушки нет денег, и у тебя тоже?»

В Лоссии такая цена тли тысячи штолы низя! «В России такие шторы стоят уже три тысячи рублей, так дешево там купить нельзя»

Ты где надо? «Тебе куда нужно?»

Таким образом, лексические особенности русско-китайского пиджина Забайкалья являют собой результат взаимодействия и приспособления друг к другу русского и китайского языков – типологически различных языков.

2.5 Синтаксические особенности

Отражая общую тенденцию упрощения структуры во всех языковых уровнях, синтаксис забайкальского русско-китайского пиджина характеризуется построением простых предложений и рядом черт, среди которых распространенными являются

А) тенденция расположения предиката в конце предложения (что типично для пиджинов):

Колейский еда | еси?

Сахал много | не люблю.

Малина вчела | нету.

Ты потом | заклыть.

Ты потом кун фу | надо.

Ты потом лабота | еси?

Тебе китайска еда | нлавица?

Такой порядок слов сопровождается характерными просодическими явлениями, в частности, определенным темпом речи и паузами (обозначено вертикальной чертой).

Б) функционирование сложных предикатов, представляющих собой сочетание двух предикативных наречий с модальным значением:

- *Это можно не надо?*

- *Можна.*

Остановимся на структуре простого предложения в рассматриваемом пиджине.

Существует классификация языков по порядку слов: языки SVO (где S – субъект/подлежащее, V – действие/сказуемое, O – объект/прямое дополнение) и языки SOV. Английский – это язык типа SVO, потому что любой другой порядок является не правильным или меняет основное значение (“The mouse eats the cat” значит, “Мышь ест кота”). В некоторых других языках, таких как русский, любой порядок слов в предложении будут правильным, хотя один вариант может быть более распространенным (в русском языке SVO). Наиболее распространенные порядки слов – SVO (он отмечается в английском, индонезийском, китайском, испанском, русском и других языках) и SOV (характерен, среди прочих, для японского, персидского, хинди и турецкого).

Итак, наиболее распространенный принцип словорасположения в простом предложении в китайском языке – это модель SVO. В предложении при обычном порядке слов на первом месте стоит подлежащее (S), на втором – сказуемое (V), т.е. S предшествует V. Определяющее слово стоит перед определяемым – например, наречие всегда предшествует тому слову, которое оно характеризует (обычно глаголу или прилагательному).

В русско-китайском пиджине S также предшествует V, но порядок слов в нем стремится к модели SOV, которая является универсальной для пиджинов:

Ты книга писа. «Ты писала книгу»

Ты тож Китай можно. «Ты тоже можешь съездить в Китай»

Люда папа хочу. «Люда хочет увидеться с папой»

Андлей жена нету. «Андрей не женат»

Я деньги надо. «Мне нужны деньги»

В целом же порядок слов все же вариативен, и, на наш взгляд, это связано с тем, что пиджин – это устная форма общения, а, следовательно спонтанная. При этом смеем утверждать, что он является языковой формой прежде всего русской разговорной речи.

Говорящий начинает свою речь с наиболее информативно важного для сообщения элемента, выделяя его интонационно – такова общая тенденция словорасположения, свойственная русской разговорной речи (РР). «Помимо данной тенденции порядка слов, в РР наблюдаются и другие возможности словорасположения. Порядок слов в РР обладает высокой вариативностью» [Земская, 1981 с.33].

Как мы уже отметили, китайцы усваивают русский язык в свободной разговорной среде – в частности в среде рыночной торговли, в элементарной степени, необходимой для процесса общения, а на основе усвоенного создается и далее развивается новое средство межэтнического общения – пиджин. Так как механизмы русской разговорной речи уже изначально запущены в пиджине и влияют на его особенности, при анализе синтаксических особенностей русско-китайского пиджина Забайкалья считаем необходимым учитывать систему русской разговорной речи, ее особенности на синтаксическом уровне – в частности.

Характеристика разговорной речи как неофициальной, спонтанной, диалогической речи, проходящей в условиях межличностной коммуникации, обуславливает ее основные функциональные черты:

- непосредственное участие в речевом акте адресанта и адресата речи;
- непринужденность речевого общения;
- устная форма;
- диалогичность;
- спонтанность, динамичность;
- ситуативность, т.е. опора на ситуацию, в которой происходит диалог (например: на автобусной остановке мать, увидев приближающийся автобус, говорит малолетнему сыну: «Саша, автобус!»);
- опора на общую апперцепционную (от лат. ad — к, perceptio — восприятие, в психологии: зависимость восприятия от предшествующего индивидуального опыта) базу партнеров по диалогу, т.е. знание того, о чем идет речь, фонд фоновых знаний или пресуппозиция.

Эти функциональные черты полностью применимы и к рассматриваемому пиджину: в речевом акте участвует как адресант, так и адресат, общение неофициальное, непринужденное, производится в устной форме; речь на пиджине спонтанна, динамична, диалогична; существует опора на ситуацию, окружающий контекст и на общую апперцепционную базу. Это можно проследить, например, на следующем отрывке из диалога на русско-китайском пиджине:

рус. - Эта сколько стоит?

кит. - Эта сто пият юаней / Какой нада?

рус. - Нет, пока я смотрю //

кит. - Можна дешевле // Эта толстыйа / Толстыйа //

рус. - Нет - очень толстый // Меньше толстый я щас посмотрю //

кит. - А, чучуть поменьше нада? Потоньше нада?

рус. - Потоньше, но!

кит. - Вот эта?

рус. - Черный //

кит. - Селый есь // Селый / синий / Синий тож есь // Эта / Аха // Вот эта ты какой лазмел нада?

Перечисленные функциональные характеристики обуславливают следующие синтаксические свойства русско-китайского пиджина:

1. Фонд автоматизированных, сложившихся образований В нашем материале это постоянно употребляемые китайцами – носителями пиджина – слова и выражения в ситуации рыночной торговли, своего рода речевые стереотипы:

- Какой лазмел нада?;

- Качесва холоша //;

- Лазмел лазны!;

2. «Свернутость» синтаксических конструкций, т.е. структурная неполнота, и тесно связанная с этим явлением эллиптичность. Эллипсис – один из основных принципов построения разговорной речи: опускается все, что может быть опущено без ущерба для смысла, для понимания адресатом сказанного, поскольку конситуация, в условиях которой протекает устно-разговорное общение, всегда выступает благоприятным фактором эллипсиса.

рус. - Адидас?

кит. - Да //

рус. - Сколько?

кит. - Сто пият! Холошо?

рус. - Дорого!

или:

кит. - Малина вчела нету //

рус. - *А сегодня?*

кит. - *Седня не видел //*

3. Предикативно-смысловая синкретичность высказывания, опирающаяся на ситуативность и общую апперцепционную базу участников диалога. Условия «реализации» разговорной речи приводят к «свернутости» синтаксических конструкций, их некоторой деформированности, структурной неполноте высказываний. Это связано с тем, что многое из «недосказанного», не выраженного словесно подсказывает ситуация конкретного коммуникативного акта.

Ситуация 1. Собеседники в машине, один спрашивает другого, куда его подвезти:

- *Ты где надо?*

или:

Ситуация 2. Собеседники едут в машине по одной из улиц города Улан-Удэ, видят автомобиль с номером из трех одинаковых цифр:

- *Китай такой номер наверно два миллиона / я не знаю //*

4. Избыточность речи (повторы)

- *Можно дешевле //* Эта толстыйа // Толстыйа //

или:

- Селый есь // Селый / синий // Синий тож есь //

или:

- Вот эта нолмална // Вот эта дешево / это дешево / да //

5. Специальные синтаксические построения и лексика, присущие только разговорной речи.

- *Солок четыле / да?*;
- *Ай / семисят юань /;*
- *Ты почём хочеша?*

6. Нечеткость границ предложения, т.е. наличие предложений с двойной связью в результате взаимопроникновения двух предложений (рус: *Осенью начинаются такие бури там на море*)

- *В Лоссии такая цена / тли тысячи если купить я тоже подалок вам!*
- или:
- *Вот эта ты какой лазмел нада?*

7. Частые перестройки конструкций «по ходу» диалога, «самоперебивы», поправки, необычные формы сочетаемости, повторения, уточнения.

- *А / чучуть поменьше нада? Потоньше нада?*
- или:
- *Эээ / тлицать восем / тлицать девять //*
- или:
- *Ты какой нада? Хыби! Точна чисна хэбэшка это // Мхм /*

8. Релевантность невербальных средств (жестов, мимики и других средств выражения смысла, эмоций), функционирующих в речевой коммуникации в комплексе с вербальными.

- *Пекин жалко / это (изображает головной убор) не надо //*
- или:
- *Я это / жжжж (изображает стрижку электробритвой) / ездить потом //*

В целом, изучая синтаксис пиджина, принципиально важно учитывать, что это речь звучащая, произносимая. Из этого следуют выводы:

- 1) в пиджине мы имеем дело с высказыванием, т.е. с предложением, рассматриваемым в потоке речи;
- 2) в синтаксической и смысловой организации высказывания в живой диалогической речи на пиджине особая роль принадлежит интонации;
- 3) невербальные средства коммуникации, действия партнеров, ровно как и ситуация имеют огромное значение в процессе общения на пиджине. Без этих компонентов коммуникация перестает быть полноценной.

Выводы по главе 2

1. Языковые особенности русско-китайского пиджина во многом определяются стандартом родного языка его носителей – китайского (фонетические, грамматические черты). Этим обуславливается и такое важное свойство пиджина, как упрощенность структуры языка на всех уровнях. Не менее важным фактором в определении данного признака русско-китайского пиджина является его установка на ситуативное использование.

2. На уровне грамматики упрощенность языковой организации пиджина отражается в отсутствии словоизменения или неполной парадигмы словоизменяемых форм. У глагола частотным является использование глагольных форм императива и инфинитива в разнообразных грамматических функциях. У существительного выявляется экспансия именительного падежа, берущего на себя грамматические функции практически всех косвенных падежей.

3. Особенности функционирования именительного падежа в русско-китайском пиджине определяются не только языковым стандартом китайского языка. Не менее значим и функциональный аспект, предполагающий учет речевой ситуации в целом. Пиджин наследует и отражает многие особенности устной речи, в том числе – стремление к аналитизму, спонтанность, ситуативность – те признаки, которые определяют явление экспансии форм именительного падежа в пиджине.

4. Общеупотребительная лексика русского языка занимает большую часть всего словарного состава данного пиджина, составляя его лексический фонд. Это слова, называющие конкретные предметы, признаки, процессы. В основном это атрибуты торговли: наименование товара, его классификация, характеристики, различные обращения к покупателю, автоматизированные выражения, характерные для рыночной торговли и так далее.

5. Синтаксис русско-китайского пиджина Забайкалья характеризуется построением простых предложений, тяготением предиката к расположению в конце предложения, функционированием сложных предикатов. Также стоит отметить предикативно-смысловую синкретичность и эллиптичность высказываний на пиджине.

ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННЫЙ РУССКО-КИТАЙСКИЙ ПИДЖИН ЗАБАЙКАЛЬЯ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

3.1 Теория коммуникации. Компоненты речевого акта

Лингвистика последних десятилетий демонстрирует расширение сфер исследования и круга изучаемых объектов: от предложения к тексту, от синтаксической структуры к коммуникативной, от языка к речи, от структурно-системного описания к лингвопрагматическому [Молчанова, 2012 с.9-26]. Достигнув высокой научной абстракции в изучении языка (в сосюрловском понимании термина), она «резко расширила круг своих исследований, включив в него все аспекты речевой деятельности и речевого взаимодействия. Интерес к минимальным лингвистическим единицам сменился интересом к «максимуму» – тексту (дискурсу), рассматриваемому в его взаимодействии с прагматическими факторами» [Арутюнова, 1989 с.3].

Смена научной парадигмы обусловила внимание к такому явлению, как *речевая ситуация* во всех ее измерениях, что привело к революции в понимании языка и общения [Иссерс, 2008 с.14]. Появились новые объекты исследования, в числе которых такая речевая единица, как *дискурс*, ставшая методологически основополагающей в теории речевой коммуникации [Почепцов, 2001].

Среди множества определений дискурса наиболее релевантно для нашего исследования определение Н. Д. Арутюновой, дискурс – это «речь, погруженная в жизнь». Неопределенность понятийного и методического аппарата лингвистики дискурса во многом объясняется его динамическим характером и является одной из актуальных проблем языкознания на сегодняшний день.

Основы теории речевых актов были заложены английским философом Дж. Остином. Вместе с двумя другими выдающимися теоретиками, Дж. Серлем и П. Ф. Стросоном, он заложил базу теории, которую можно назвать стандартной теорией речевых актов. В дальнейшем теория речевых актов развивалась совместными усилиями философов, логиков, лингвистов и психологов.

В теории речевых актов изучается акт речи, который состоит в произнесении говорящим предложения в условиях живого общения с адресатом.

В теории речевых актов субъектом речевой деятельности является абстрактный индивид, являющийся носителем некоторых психологических и социальных характеристик, в числе которых намерение, знание, мнение, эмоциональное состояние, воля, статус по отношению к адресату, а также функция в рамках определенного социального института.

Единый речевой акт представляется в теории речевых актов как трехуровневое образование. Так, основными понятиями, которые лежат в основе описания любого речевого акта и которыми свободно оперирует рассматриваемая теория, являются понятие *локуции*, *иллокуции* и *перлокутивного* эффекта.

Центральным звеном трехуровневой системы, предложенной Остином, является понятие иллокуции. Впервые вводя понятие иллокутивного акта, Остин не дает ему точного определения, но приводит его примеры.

Остин объяснил существование иллокутивного акта, то есть осуществление какого-то акта в ходе говорения в противоположность действию самого говорения. Он называет учение о различных типах приведенных функций языка учением об иллокутивных силах [Остин, 1986].

Любая теория коммуникации, вне зависимости от масштабов исследуемого объекта, нуждается в разработке модели коммуникативной ситуации. Так, теория речевых актов сформулировала свою уникальную модель коммуникативной ситуации. Модель речевого акта в рассматриваемой теории включает в себя не только такие компоненты, как адресант и адресат высказывания, само высказывание, обстоятельства речевого общения, которые присутствуют в иных моделях общения под другими наименованиями, но и цель и результат речевого акта [Кобозева, 1986].

Принципиальная схема акта коммуникации была предложена создателем кибернетики Клодом Шенноном в книге «Математическая теория связи» в 1948 году. Позже она была модифицирована Р. О. Якобсоном и изложена в статье

«Лингвистика и поэтика» 1960 года. В лингвистической среде структура речевого акта более известна в изложении Р. О. Jakobsona.

В соответствии с классификацией Р. О. Jakobsona [Jakobson, 1975 с.193-230] традиционно выделяют пять компонентов коммуникативного акта:

- 1) адресант (говорящий);
- 2) адресат (слушающий);
- 3) контакт;
- 4) референт;
- 5) код.

Е. В. Ключев по этому поводу замечает: «Набор компонентов коммуникативного акта в настоящее время достаточно четко определен. Это *адресант, адресат, контакт, референты, код*. Отношения между ними традиционно представляют следующим образом: *адресант-контакт-референт-код-адресат*, структура коммуникативного акта описывается так: *адресант* вступает с *адресатом* в контакт по поводу определенного *референта*, используя определенный *код*» [Ключев, 2002 с.13].

Наша задача – рассмотреть русско-китайский пиджин Забайкалья в свете его функционирования в торговой коммуникации, выделить коммуникативные приемы речевого воздействия и обслуживающие их языковые и речевые средства, используемые носителями пиджина – китайскими продавцами, в ситуации рыночной торговли.

3.2 Коммуникативные приемы и языковые средства воздействия в речи на современном русско-китайском пиджине Забайкалья

В фокусе исследований креолистов находятся в основном пиджины, креольские и смешанные языки, возникшие на основе западноевропейских языков. Тем не менее сегодня интерес к пиджинам, возникшим на русской основе возрастает, что проявляется в ряде публикаций трудов Е. В. Перехвальской, Ян

Цзе, Е. А. Оглезневой и др. Особо следует отметить труды Е. А. Оглезневой как пионерские исследования, затрагивающие вопросы русско-китайского пиджина нового времени. В частности, в своей работе, посвященной в основном социалингвистическому описанию путем социально-речевого портретирования русского языка восточной ветви русской эмиграции, она дает структурно-системную характеристику харбинского варианта русско-китайского пиджина нового времени, выявляя его фонетические, морфологические, лексические особенности [Оглезнева, 2009б]. Вместе с тем в коммуникативном аспекте данный феномен языковых контактов в ее трудах не рассматривается.

В рассматриваемой в нашем исследовании коммуникативной ситуации адресантом является торговец-китаец, а адресатом – русскоязычный покупатель. В процессе общения происходит смена их коммуникативных ролей. Референтом в анализируемом коммуникативном акте выступает в основном товар и его характеристики, а кодом является сам пиджин как инструмент общения. Общение неофициальное, непринужденное, проходит в устной форме; речь на пиджине спонтанна, динамична, диалогична, с преобладающей опорой на контекст ситуации и общую апперцепционную базу. Данные характерные черты можно проследить в следующем отрывке из диалога на русско-китайском пиджине в ситуации покупки кофты для ребенка:

кит. - *Больша есь / лазмел лазны!*

рус.1 - *Сколько стоит?*

кит. - *Глицать пять юаней // Еще кофта тож есь //*

рус.2 - *А ты кому хотела? (рус.1 - Сережке //)*

кит. - *Сележке нада / да? Скока лет / скока лет / а?*

рус.1 - *Он маленький //*

кит. - *Больша есь!*

рус.1 - *Годик! Годик ему! (рус.2 - Один год //)*

кит. - *Такие лазмел можна? Такие можна? Как лаз //*

рус.1 - (...)

кит. - *Это холоша / шелсть холоша! Видите / не катывается // Это стилать можна / очень холошо //*

рус.1 - *А вместе с кофтой сколько будет стоить?*

кит. - *Вместе кофта / восемьдесят пять юаней //*

Общение на пиджине в ситуации торговли носит кратковременный характер, продавцы и покупатели выступают друг перед другом как обезличенные фигуры. Их личные интересы характеризуются противоположной направленностью – продавец хочет продать свой товар покупателю как можно дороже, а покупатель – купить как можно дешевле. Другими словами – их коммуникативные цели абсолютно полярные.

Для нас как для исследователей, действующих в соответствии с поставленными задачами, сторона адресанта в роли субъекта, осуществляющего воздействие и использующего определенные коммуникативные приемы, представляет большой научный интерес. Перейдем к рассмотрению данной проблемы.

Речевое воздействие в широком смысле – это любое речевое общение, взятое в аспекте его целевой обусловленности. В речевом общении коммуниканты пытаются достичь определенных неречевых целей, которые в итоге ведут к регуляции деятельности собеседника. «Быть субъектом речевого воздействия – это значит регулировать деятельность своего собеседника, так как при помощи речи мы побуждаем другого человека начать, изменить, закончить какую-либо деятельность или создаем у него готовность к совершению той или иной деятельности, когда возникает в этом необходимость» [Иссерс, 2008 с.21].

Для китайца-торговца в рассматриваемой нами речевой ситуации конечной целью является продажа товара. Другими словами, коммуникативная цель в данном случае – убедить адресат в необходимости покупки товара. Для достижения этой цели продавец действует согласно отработанной схеме: он не «изобретает велосипед» снова и снова, а всегда действует согласно определенной коммуникативной стратегии, которая диктуется контекстом речевого общения.

В его арсенале всегда есть определенные коммуникативные приемы, воздействующие на покупателя. Опираясь на положения М. Григорьева [Григорьев, <http://www.psychological.ru/default.aspx?0a1=1027&0o1=0&0s1=0&p=82&s=0> (Дата обращения: 15.01.2015)], А. А. Шаззо [Шаззо, 2008] и других исследователей способов рекламного воздействия, мы выделили коммуникативные приемы, используемые носителями пиджина (китайцами) в ситуации общения на русско-китайском пиджине Забайкалья в условиях рыночной торговли.

К таким вербальным коммуникативным приемам воздействия, актуальным в русско-китайском пиджине, относятся:

1) Утвердительные высказывания.

Они выражаются в повествовательных конструкциях, в которых предикат характеризует товар по количеству и качеству с целью презентации ассортимента в лучшем свете. Преобладает использование ассертивов - утверждения, согласия и одобрения. Практически не встречаются конструкции, выражающие неуверенность, сомнение либо отрицание. Утверждения по умолчанию предполагают истинность высказывания. Однако на самом деле высказывания зачастую не соответствуют действительности: происходит подмена истинности эмоциональностью; наблюдается расхождение между пропозициональной установкой высказывания и иллокутивной силой, определяемой прагматическим фактором торговли.

-Много есь //;

-Теплый / сельый есь //;

-Лазный цвет есь //;

-Это качесва холоший //;

-Холоша товал //;

-Вот эта дешево / это дешево да //

2) Выборочный подбор информации.

В целях усиления речевого воздействия адресантом на первый план выдвигаются только те характеристики товара, которые являются более значимыми для адресата. При этом продавец говорит только о преимуществах товара – его недостатки сознательно упускаются из внимания полностью. Истинность здесь также играет далеко не первую роль [Шаззо, 2008].

- *Да // Толстый / холоший // Какой лзмел нада?;*

- *Хыби! Точна чисна хэбэшка это //;*

- *Конешно / фаблика холоший / да //*

3) Воздействие на чувства и эмоции.

Продавец стремится управлять сознанием адресата, манипулируя его эмоциями, он “говорит на языке покупателя”, который хочет купить товар в соответствии с принципом “качественно, но недорого”:

- *Это качесва холоший //;*

- *Холоша товал //;*

- *Вот эта дешево / это дешево да //*

4) Апелляция к бренду.

Продавец часто подкрепляет свои аргументы в пользу покупки указанием на бренд [Григорьев, <http://www.psychological.ru/default.aspx?0a1=1027&0o1=0&0s1=0&p=82&s=0> (Дата обращения: 15.01.2015)]. Употребление в коммуникации на пиджине прецедентных имен повышает заинтересованность покупателя, его доверие к товару, значительно усиливая механизм воздействия.

кит. - ... *Адидаса!*

рус. - *Адидас?*

кит. - *Да //*

рус. - *Сколько?*

кит. - *Сто пият! Холошо?*

рус. - *Дорого!*

Специфика речевой ситуации в общении на пиджине, необходимость использования приемов речевого воздействия на адресата диктуют в свою очередь употребление определенных языковых и речевых средств. Среди них отметим:

1) Речевые штампы торгового узуса.

В другой терминологии – фонд автоматизированных, сложившихся образований, речевые штампы торгового узуса представляют собой постоянно употребляемые устойчивые выражения, словосочетания, слова, связанные с стереотипными ситуациями торговой сферы. Так, в пиджинизированной речи китайских торговцев встречаем такие часто повторяющиеся слова и выражения, как *Какой лазмел нада?; Качесва холоша; Лазмел лазны!*

2) Качественная и сравнительная формы прилагательных.

Прилагательные выступают в функции уточнения, сравнения и презентации товара. При этом активнее всего используются формы сравнительной степени прилагательных.

- *Чучуть больша?;*

- *Можна дешевле // Эта толстыйа // Толстыйа //;*

- *А / чучуть поменьше нада? Потоньше нада?*

3) Указательные местоимения как дискурсивные элементы.

В речевой ситуации торговли дейктическая функция указательных местоимений осложняется функцией передачи информации о товаре и в то же время – воздействия на покупателя, своего рода информативно-рекламной функцией. Иными словами, указательные местоимения выступают как дискурсивные элементы порождаемого текста: они дают возможность продавцу

наглядно продемонстрировать свой товар и создать ощущение “богатства ассортимента”, одновременно усиливая эффективность других коммуникативных приемов.

- Вот эта ма толстый пожалуста //;

- Эта пойдет / мхм //;

- Какой? Вот эта можна? А / девушка? Вот эта пойдет лазмел //;

- Вот эта а? Вот эта солок четьле //;

- Такой ла? Такой же холоший // Качесва холоший //;

- Такие тоже четьлеста лубли давай // Помель...

4) Эмоционально-окрашенные повторы, избыточность речи.

- Можна дешевле // Эта толстыйа // Толстыйа //;

- Селый есь // Селый / синий... Синий тож есь // Эта // Аха // Вот эта ты какой лазмел нада?;

- Вот эта нолмална // Вот эта дешево / это дешево / да //

Помимо этого адресант в общении на пиджине широко использует паралингвистические средства общения: приемы интонационного воздействия (эмоциональность речи (экспрессия), речевая динамика (изменение тона, громкости речи)) и др. [Гойхман, 2007 с.109].

Все перечисленные приемы включают в себя задачи прямого и скрытого воздействия на покупателя, на его решение о покупке – т.е. ведут к достижению коммуникативной цели адресанта.

Е. В. Клюев замечает: «Главной становится проблема общности кода для того, кто передает информацию, с одной стороны, и для того, кто этой информацией пользуется, – с другой. Принадлежность их к одному и тому же национальному языку оказывается отнюдь не единственным условием, которое должно обеспечивать взаимопонимание» [Клюев, 2002 с.255]. Добавим: в

определенных речевых ситуациях (таких как торговая коммуникация) для разноязычных коммуникантов достаточным оказывается выбор такого кода, как пиджин. В ситуации общения на русско-китайском пиджине носителем данной языковой формы является только один участник – китаец, русский же чаще наивен по своей языковой сути – он сталкивается с общением на пиджине впервые. Но даже это не мешает им понять друг друга. Данный факт объясняется прежде всего упрощенностью речевой ситуации в сфере рыночной торговли, а также значимостью невербального и ситуативного компонентов. В связи с этим результаты исследования русско-китайского пиджина Забайкалья в дискурсивном русле убеждают в том, что ограничивать пиджин изучением в рамках структурализма было бы методологически неверно – данную языковую форму необходимо изучать с разных сторон, с учетом всей речевой ситуации и ее компонентов, то есть в его речевой жизни.

3.3 Фразовые частицы как способ выражения модальности в современном русско-китайском пиджине Забайкалья.

Модальность – сложное лингвистическое понятие. Это связано с тем, что она не является собственно грамматической категорией. Грамматическая категория включает в себя ряды грамматических форм, имеющих однородные значения и противопоставленных друг другу, а в категории модальности нет ярко выраженных противопоставлений языковых единиц. Кроме того, в функции модальности входит передача большого количества самых различных значений, что не связано с понятием однородности. Модальность – это «функционально-семантическая категория, которая выражает разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [Большой энциклопедический словарь, 1998 с.303]. При определении модальности мы также опираемся на концепцию академика **В. В. Виноградова**, который рассматривает модальность как «отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности» [Виноградов, 1975 с.268].

Категория модальности часто дифференцируется исследователями. Наиболее распространено в качестве аспекта дифференциации противопоставление субъективной и объективной модальности. Субъективная модальность – дополнительный элемент высказывания, который выражается с помощью модальных слов, частиц, а также особых грамматических конструкций. Объективная модальность, наоборот, является обязательным звеном высказывания и связывается с разными формами наклонения.

Категория наклонения является одним из главных способов выражения модальности только в тех языках мира, в которых языковое значение передаётся преимущественно грамматическим путём – в рамках соответствующей грамматической категории, при этом категории могут быть как синтетическими, так и аналитическими. В языках, обладающих развитой системой формообразовательных аффиксов, ведущими являются синтетические грамматические категории. В свою очередь в языках, имеющих разветвлённую систему служебных слов (например, вспомогательных глаголов в английском языке), доминируют аналитические грамматические категории.

В русско-китайском пиджине языком-источником – суперстратом, лексификатором – выступает русский язык. «Язык-субстрат (как правило, это родной язык наиболее заинтересованной в новом коммуникативном средстве стороны) – это тот язык, по типу которого в пиджине складываются грамматика и фонология. В случае с русско-китайским пиджином в китайском его этнолекте языком-субстратом выступает китайский» [Оглезнева, 2007а с.9].

Таким образом, русско-китайский пиджин Забайкалья имеет в своей основе языковые средства русского языка, которые функционируют в нем в соответствии с грамматикой китайского языка. Перед тем, как разобрать языковые средства выражения модальности в рассматриваемом пиджине, рассмотрим типологические особенности его языка-субстрата – китайского.

Китайский язык – типичный представитель языков изолирующего строя в типологической классификации. Синтаксические связи между словами в предложении выражены не формой слова, а служебными словами и порядком

слов: расположение слова в предложении и его маркированность служебным словом говорят о его синтаксической функции. Изоляция является синтаксической особенностью китайского языка. Что касается морфологии, грамматическое значение чаще всего выражается формой самого слова, с помощью аффиксации. Это значит, что китайский язык является синтетическим [Солнцев, 1995].

В отличие от русского, аффиксы китайского языка, являются агглютинативными – они выражают одно грамматическое значение и в формальном плане представляют собой слог, отдельный от корневой словоформы. Формоизменяющие аффиксы китайского языка немногочисленны: это именной суффикс 们 (men), передающий значение множественности, и глагольные суффиксы 了 (le), 过 (guo), 着 (zhe), которые выражают видовременные значения. Таким образом, китайский язык имеет очень ограниченный набор грамматических категорий, в основном это категории числа, вида, времени, залога и интенсификации качества [Солнцев, 1995].

В китайском языке категория наклонения самостоятельно не выделяется. При этом встречаются случаи, когда с помощью глагольных форм передаются модальные значения, выражаемые в других языках формами того или иного наклонения. Но эти формы неспециализированные. Например, значение императива выражается немаркированной, «нулевой» формой глагола (走 (zǒu) «иди», 看 (kàn) «смотри», 吃 (chī) «ешь»). Возможно то, что специализированные формы в китайском языке отсутствуют, также повлияло на то, что лингвисты не выделяют в нем категорию наклонения отдельно.

В категорию модальности входят, помимо прочего, разнообразные оттенки экспрессии, которые передают субъективное отношение говорящего к своему сообщению. Многообразие семантических оттенков, которые составляют категорию модальности, выражается в китайском языке при помощи функционально-семантической категории, которую можно было бы назвать

«функционально-семантической категорией модальности» [термин: Науменко, 2011 с.277].

В этом случае под функционально-семантической категорией подразумевается система разноуровневых средств языка, которые объединяются общекатегориальным значением. Эта категория включает в себя немногочисленные неспециализированные глагольные формы: на лексическом уровне – слова разных частей речи (модальные глаголы, союзы, наречия, модальные частицы); на синтаксическом уровне – фразеологические союзные единства в сложных предложениях, а также супraseгментные единицы языка (интонация, ударение) [там же].

Более детально рассмотрим модальные частицы. В китайском языке употребляются модальные частицы со своеобразным значением и функциями – это отмечают многие ученые. Так, В. И. Горелов, определяя функцию частиц, пишет, что они «либо выражают отношения между членами предложения, либо служат средством эмоционально-смыслового выделения членов предложения, либо, наконец, вносят в предложение добавочные смысловые значения и экспрессивные оттенки» [Горелов, 1989 с.79]. Автор представляет классификацию частиц китайского языка, где выделяет частицы-связки (系词), союзные (连词型助词), усилительные (强调小词), ограничительные (限制小词), отрицательные (否定小词), обобщающие (概括小品词), темпоральные (时间助词) и экспрессивные частицы (语气词) [53].

В лингвистической литературе (например, в трудах Тань Аошуан) китайский язык неоднократно называется языком «со скрытой грамматикой», что отнюдь не означает отсутствия в нем системы правил грамматического строя. Скорее, такое определение служит одним из показателей своеобразия данного языка, подразумевая, что в системе его функционирования содержатся элементы, роль которых не находит прямого морфологического объяснения. К такого рода проявлениям Тань Аошуан относит, например, использование модальных частиц

(утвердительных: 呢, 吧, 啊, 嘛, вопросительных: 吗, 呢, 吧, 啊, побудительных: 吧, 啊, 嘛 и восклицательных :啊).

Таким образом, отличительной особенностью китайского языка является наличие огромного количества частиц, в частности, экспрессивных [Горелов, 1989]. Являясь одним из самых важных средств выражения модальности, частицы очень часто употребляются в живой речи носителей китайского языка, что, в свою очередь, отразилось и на речи китайского этнолекта на пиджине в появлении и активном употреблении в ней частиц *да, ма, а, ла*.

Безусловно, анализируя китайские грамматические показатели, следует учитывать принципиальное различие в средствах выражения той или иной целеустановки говорящего в китайском и русском языках. Например, в русском значение вопроса выражается особой интонационной конструкцией (ИК-3), в китайском языке – средствами лексической системы (вопросительными частицами и др.). Возможно, это различие заставляет носителей пиджина прибегать к эксплицитным средствам выражения вопроса – сегментным языковым единицам (морфемам, частицам, служебным словам и пр.), которые заимствуются из китайского языка.

Мы определяем данные словоформы как *фразовые модальные частицы*, руководствуясь терминологией, почерпнутой из грамматик современного китайского языка [Горелов, 1989]. В нашем исследовании осуществляется попытка описания и классификации словоформ подобного рода с опорой на полевые исследования, проведенные нами на торговом рынке в г. Маньчжурия.

При анализе важно учитывать две основные особенности речи на русско-китайском пиджине Забайкалья:

- 1) Разговорность (общение на пиджине живое, протекает линейно);
- 2) Ситуативность (общение происходит в ситуации торговли).

В связи с этим мы также учитывали, что модальность как речевая категория выходит за рамки лексической и грамматической семантики и включает

коммуникативные стратегии и тактики [Романова, 2008 с.23]. Все это должным образом учитывалось при анализе функционирования частиц в речи.

Словоформы *да, ма, а, ла* среди языковых особенностей русско-китайского пиджина Забайкалья занимают особое место. Прежде всего их анализ в функционально-коммуникативном аспекте выявляет расположение этих частиц в конце высказывания: фразовые частицы ставятся либо в конце повествовательного предложения, либо по завершении коммуникативно значимой и выделяемой говорящим синтагмы, где маркируют завершение топика или другие коммуникативно значимые логические паузы:

1) *кит.* - *Солок четыле, да? Челно, да? Селый есь.*

2) *кит.* - *Чучуть тоненька вот эта ма.*

3) *кит.* - *Нету ла. Только один.*

4) *кит.* - *Лазный лазмел. Очень класивый а. Нада?*

Каждая из этих частиц обладает своей спецификой употребления в рассматриваемом пиджине. Рассмотрим каждую из них более подробно.

да

Частица *да* в ряду других используемых в русско-китайском пиджине служебных слов отличается тем, что она заимствована из русского языка, но усвоена пиджином с более широким спектром коммуникативных функций. При этом частица сохранила свои основные функции – подтверждение верности содержания высказывания и утверждение:

1) *кит.* - *Солок четыле, да? Холошо...*

2) *кит.* - *Конешно фаблика холоший, да. Я помелю! Лазмел ааа...*

Таким образом, в пиджине можем выделить вопросительную и повествовательную (утвердительную) частицу *да*. Здесь необходимо отметить следующее. Для китайца-торговца в рассматриваемой нами речевой ситуации конечной целью является продажа товара. Другими словами, коммуникативная

цель в данном случае – убедить адресат в необходимости покупки товара. Для достижения этой цели продавец прибегает к различным приемам воздействия, убеждения, речевого манипулирования [Жданова, 2015а, с.108-115.]. В числе этих приемов – использование утвердительных высказываний с целью вызвать согласие, одобрение собеседника – покупателя, и тем самым еще более склонить его к покупке. Сюда же мы можем отнести использование в речи на пиджине вопросительной частицы *да*.

Сравним фразы из русской разговорной речи:

1) *Ты придешь ко мне?* 2) *Ты придешь ко мне, да?*

Во втором случае очевидно «давление», оказываемое говорящим на адресата и осуществляемое с помощью частицы *да*.

Примеры такого «давления» (манипулирования) в нашем пиджине:

1) кит. - *Сережке нада, да? Скока лет, скока лет, а?*

2) кит. - *Солок четьле, да? Челно, да? Селый есь.*

Продавец будто подхватывает фразы из речи покупателей, действует навязчиво и всячески склоняет к покупке.

В отличие от частицы *да* частицы *ма*, *а*, *ла* заимствованы из китайского языка:

– частицы группы *ма* (*ma*): 吗 *ma* (么 *ma*, *me*), 嘛 *ma* (в общем и целом маркируют вопрос и убеждение-очевидность);

– частицы группы *а*: частица 啊 *a* и её варианты 呀 *ya*, 哇 *wa*, 哪 *na* (произнесённая нейтральным тоном частица 啊 ставится в конце фразы и усиливает высказывание);

– частицы группы *ла* (*le*): 了 *le*, 啦 *la*, 咯 *lo* (используются для усиления прилагательных; для обозначения смены состояния и также завершенности действия).

Таким образом, данные модальные частицы являются фразовыми частицами китайского языка, которые выражают различные смысловые значения и оттенки, и передают различные эмоции: 吗 *ma* – выражает вопрос или убеждение, 啊 *a* – выражает восклицание, 了 *le*, 啦 *la* – переход субъекта в иное состояние, завершенность действия [Горелов, 1979].

Рассмотрим случаи использования данных модальных частиц в русско-китайском пиджине Забайкалья.

ма

1) (рус.) - *Потолще, чем эта, но не такая толстая - есть что-нибудь?*

(кит.) - *Чучуть тоненька вот эта ма.*

2) (рус.) - *На один размер побольше. А эта мне как раз. На один побольше!*

(кит.) - *Холошо! // Еще болше есь. как лаз ма. Новий это.*

3) (рус.) - *У меня только двадцать! хаха*

(кит.) - *Только двацать? Лубли читай ма...*

Данные примеры также демонстрируют построение с помощью частицы *ма* коммуникативной стратегии убеждения китайского торговца, и это неудивительно, поскольку общение на пиджине происходит в жестких условиях конкуренции, где главная цель – убедить и побудить покупателя приобрести именно его товар.

В следующих же примерах, которые менее распространены, *ма* используется исключительно для вопроса, по аналогии с китайским языком: чтобы сформулировать вопрос в китайском языке – к повествовательному (утвердительному) предложению и прибавляется в конце частица 吗 (*ma*). Например: 你好吗 *Nǐ hǎo ma?* – Как поживаешь? Как дела? По такой же схеме в некоторых примерах строится общий вопрос в русско-китайском пиджине Забайкалья, но уже с использованием русской лексики:

4) (кит.) - Нада **ма**?

(рус.) - Надо.

5) (кит.) - Чифа хочу **ма**? (кушать хочешь?)

(рус.) - Чифа.

У частицы *да* ощущается направленность эмоционального воздействия, давления на адресат, а частица *ма* больше связана с выражением коммуникативных нюансов в речи говорящего.

а

Модальные частицы группы *а* в русско-китайском пиджине также можно разделить на две подгруппы: восклицательные (усилительные) и вопросительные.

Восклицательная частица *а* усиливает высказывание, выражает подтверждение, одобрение, согласие и восхищение говорящего:

1) кит. - *Эта пойдет а. А. Вот эта нолмална. Да да да да да. Лазмел какой а?*

2) кит. - *Чучуть. Чучуть-чучуть а!*

3) кит. - *Один блюки - тлицать пять юаней, а!*

4) кит. - *Есть а.*

5) кит. - *Лазный лазмел. Очень класивый а. Нада?*

6) кит. - *Очень. Очень а качесва холоша да.*

7) кит. - *Это селый кошка. Тоже учиться говолить а.*

Вопросительная частица *а* используется в пиджине для переспроса, уточнения, просьбы:

1) *кит.* - *Вот эта а? Вот эта солок четьле. Еще меньше есь. Еще поменьше есь.*

кит. - *Два лазмел меньше а?*

2) *кит.* - *Помель а?*

3) *кит.* - *Один а?*

кит. - *Сережке нада, да? Скока лет, скока лет, а?*

4) *кит.* - *Тебе, куня, то есь. Помель а? Тебе нада куня? Теплый селый есь.*

Следует добавить, что словоформа *а* в одном из примеров речи на пиджине видоизменяется в *э*, что обусловлено, на наш взгляд, ассимиляцией под воздействием твердого небно-зубного *ш*. Но данный пример спорен, так как представлен в наших источниках единично, возможно этот пример нужно отнести не к частицам, а лишь к стремлению к открытости слога:

5) *кит.* - *Еще долгую не хочешь э? Носотьки хочешь э, маленька...*

ла

Частица *ла* представляет особый интерес, так как исследователи русско-китайского пиджина не раз обращались к ней в своих работах.

Так, Е. В. Головки [Головки, 2001 с.3-10], размышляя о языковом творчестве в ситуации двуязычия, пишет о том, что показатель *-ла* в русско-китайском пиджине являет собой пример осмысления связанной морфемы как самостоятельного смыслового элемента. В период формирования пиджинов рано говорить о каких-либо заимствованиях, в том числе о заимствовании грамматических показателей. Но показатель *-ла* представляет собой особый случай. «Этот показатель, используемый в русско-китайском пиджине для соотнесения действия с планом прошедшего времени, можно считать пришедшим из русского языка, но одновременно и из китайского, в котором существует

показатель *ла* в позиции после глагола, использующийся для обозначения отнесенности действия к прошлому» [Шпринцин, 1968].

«Двойная этимология» подобного рода нередко участвует в образовании новых контактных языков и придает грамматическому показателю осмысленность. Приведем примеры из русско-китайского пиджина разных исследователей: *хóчула* «хотел/хотела» [Перехвальская, 1987]; *перамо солово за моя фальшивайла ниту* «честное слово, я не соврал» [Черепанов, 1853]. Кроме того, Е. В. Головки в качестве примера еще более наглядного осмысления *-ла* как показателя прошедшего времени называет его проникновение в этом значении в удэгейский язык: *gaend'ousa pala-wa siki-la, su: gakpi-la* «ленивая полы мыла, солнце тучами закрыла». Пример представляет собой поговорку. Смысл ее сводится к тому, что мытье полов ленивой женщиной настолько редкое явление, что вызывает изменения в природе – солнце закрывается тучами. «Правильно» по-удэгейски должно быть: *gaend'ousa palawa siki-e-ni, su: gakpi-e-ni* [Головки, 2001]. В этноконтактной зоне в районе реки Бикин удэгейский язык испытывал влияние китайского языка, русско-китайского пиджина и позднее – русского языка.

Таким образом, Е. В. Головки считает, что осмысление грамматики «простыми носителями» возможно. Для заимствования грамматики достаточно ситуации полного (близкого к полному) двуязычия, которая обеспечивает контрастивное противопоставление двух языковых систем и дает возможность делать интуитивные выводы по поводу устройства собственного языка.

Вслед за Е. В. Головки мы также предполагаем, что послелог *le* в русско-китайском пиджине являлся перфективным показателем (показателем совершенного вида) китайского происхождения, поддержанным русским показателем прошедшего времени женского рода. В свою очередь современный русско-китайский пиджин Забайкалья унаследовал этот показатель в свой лексический состав.

Кроме того, в китайском языке глагольная форма на *le*, по мнению ряда ученых, может относиться и к прошедшему, настоящему, и к будущему временам. Это связано с тем, что показатель *le* является больше видовым, чем временным показателем. «Суффикс *le*, безусловно, является показателем совершенного вида, и если говорящий желает подчеркнуть завершенность действия, то он может выразить это с помощью суффикса *la* независимо от того, идет речь о прошлом, настоящем или же будущем» [Ван, 1954]. Именно поэтому форма глагола на *le* может выражать все три вышеназванные формы времен. Приведем примеры из речи на русско-китайском пиджине Забайкалья:

1) *кит.* - *Ты сказа, юань нету ла!* (Ты сказала, что у тебя не было юаней) прош. вр.

2) *кит.* - *Деньги нету ла!* (Денег нет – закончились, потрачены) прош. вр.

3) *рус.* - *А другой есть?*

кит. - *Нету ла. Только один.* (Другого нет, есть только такой) наст. вр.

4) *кит.* - *Давай ла... Давай ла, куня!* (Давай сделаем так, девушка) императив буд. вр.

Итак, фразовые частицы *да, ма, а, ла* в своем функционировании в современном русско-китайском пиджине Забайкалья приобретают особенности, определяемые функционально-коммуникативными факторами. В формальном отношении отражая влияние языка-субстрата (китайского языка) и, соответственно, аналитического способа выражения как грамматических, так и лексических значений, эти частицы становятся актуальным средством оформления определенных коммуникативных стратегий в речевой ситуации торговли.

В. Б. Кашкин характеризует коммуникативную стратегию как часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для

достижения определенной коммуникативной цели [Кашкин, <http://www.dere.com.ua/library/kashkin/06.shtml> (Дата обращения 02.02.2016)]; по словам Е. В. Ключева, это «результат, на который направлен коммуникативный акт» [Ключев, 2002 с.255]. В нашем случае «результат», «коммуникативная цель» – это продажа (покупка) товара. Для ее достижения говорящий принимает решение о последовательности речевых действий, определяющих речевое поведение в плане выбора оптимальных средств и способов для достижения целей. В качестве стратегии выступает установление контакта, воздействие на собеседника-покупателя, убеждение в совершении покупки, речевое манипулирование. А важнейшими средствами оказываются фразовые модальные частицы.

Стоит отметить, что частицу нельзя рассматривать как «абсолютный модификатор», или решающий фактор смены значения, – суждение о том, что качество единства меняется только и именно благодаря добавлению частицы, будет формалистичным и неверным. Частица всего лишь маркер, относительно факультативный «синтаксический аффикс» [Курдюмов, 2014 с.37-46].

Несмотря на то, что фразовые частицы являются основным способом выражения модальности в современном русско-китайском пиджине Забайкалья, нельзя забывать о том, что речь на пиджине – живая, разворачивается линейно, в связи с чем особое значение приобретают не только вербальные, но и невербальные компоненты общения, супрасегментные средства ее оформления (интонация говорящего, темп речи, сила звука), жесты, мимика говорящего, которые также выражают коммуникативные интенции воздействия, убеждения в речевой ситуации общения на пиджине в условиях рыночной торговли.

Выводы по главе 3

1. В процессе общения на русско-китайском пиджине Забайкалья продавцы-китайцы используют различные коммуникативные приемы, которые способствуют достижению их коммуникативной цели – продаже товара. К таким вербальным коммуникативным приемам воздействия, актуальным в

русско-китайском пиджине, относятся: утвердительные высказывания, выборочный подбор информации, воздействие на чувства и эмоции, апелляция к бренду.

2. Специфика речевой ситуации в общении на пиджине, необходимость использования приемов речевого воздействия на адресата диктуют употребление определенных языковых и речевых средств. Среди них: речевые штампы торгового узуса, качественная и сравнительная формы прилагательных, указательные местоимения как дискурсивные элементы, эмоционально-окрашенные повторы, избыточность речи.

3. Адресант в общении на пиджине широко использует паралингвистические средства общения: приемы интонационного воздействия (эмоциональность речи (экспрессия), речевая динамика (изменение тона, громкости речи)) и др.

4. Фразовые частицы *да, ма, а, ла* в русско-китайском пиджине Забайкалья являются актуальным средством оформления определенных коммуникативных стратегий в речевой ситуации торговли. Особенности их функционирования в пиджине определяются функционально-коммуникативными факторами.

5. Функциональные черты современного русско-китайского пиджина Забайкалья (диалогичность, спонтанность, динамичность, ситуативность) влияют на его синтаксические и стилистические особенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование представляет собой первый опыт описания языковых особенностей современного русско-китайского пиджина Забайкалья на всех языковых уровнях. Также данный идиом впервые рассматривается в коммуникативном аспекте. Кроме того, нами исследована и описана языковая ситуация Забайкалья, в условиях которой зародился и существует пиджин. Языковой материал, собранный в полевых условиях и использованный в работе, придает нашему исследованию дополнительную научную ценность.

Настоящее диссертационное исследование подтвердило то, что современный русско-китайский пиджин Забайкалья является новым вариантом русско-китайского пиджина, который зародился в связи с возобновлением и активизацией русско-китайских контактов в начале 90-х гг. XX в. Главным фактором зарождения феномена пиджина, как средства упрощенного языкового общения в условиях межъязыковых контактов выступила языковая ситуация, сложившаяся на приграничной с Китаем территории в начале 90-х гг. XX в., развитие торговли и «челночного бизнеса» в приграничных пунктах, в частности в г. Улан-Удэ и г. Маньчжурия.

В организации фонетического строя пиджина, в его забайкальском варианте наблюдаются: артикуляция гласных и согласных по типу китайского языка, которая проявляется в замене небно-язычного дрожащего [r] на боковой [l], неразличении парных по звонкости/глухости согласных; тенденция к избавлению от закрытых слогов; сокращение количества слогов в русских словах.

На уровне грамматики упрощенность языковой организации пиджина отражается в отсутствии словоизменения или неполной парадигмы словоизменяемых форм. У глагола частотным является использование глагольных форм императива и инфинитива в разнообразных грамматических функциях. У существительного выявляется экспансия именительного падежа, берущего на себя грамматические функции практически всех косвенных падежей.

Важным фактором в определении признаков русско-китайского пиджина является его установка на ситуативное использование. Оно во многом предопределяет использование неизменяемых форм русских существительных, глаголов, прилагательных.

В словарном составе русско-китайского пиджина наблюдается функционирование генетически и стилистически разнородных классов слов: общеупотребительная лексика русского, просторечная русская лексика и просторечные варианты общеупотребительных слов, жаргонная и инвективная (редко) лексика, общеупотребительная китайская лексика, англоязычные вкрапления.

Общеупотребительная лексика русского языка занимает большую часть всего словарного состава данного пиджина, составляя его лексический фонд. Это слова, называющие конкретные предметы, признаки, процессы. В основном это атрибуты торговли: наименование товара, его классификация, характеристики, различные обращения к покупателю, автоматизированные выражения, характерные для рыночной торговли и т.д.

Грамматика пиджина не только отражает природу русской разговорной речи, но и стремится к стандартам языковой системы китайского языка, определяющего проявление различных субстративных черт в пиджине. Таким образом, типологический строй китайского языка – языка-субстрата – оказывает значительное влияние на языковые особенности современного русско-китайского пиджина Забайкалья, которое отражается в таких его грамматических чертах, как отсутствие словоизменения или неполная парадигма словоизменяемых форм, экспансия формы именительного падежа, регулярное использование глагольных форм императива и инфинитива и др.

Русско-китайский пиджин Забайкалья, имея под собой разговорную почву, характеризуется многими структурными чертами русской разговорной речи. Эти черты нами определяются как суперстративные явления в пиджине. Это фонд речевых стереотипов (в ситуации рыночной торговли), структурная неполнота

предложений и тесно связанная с этим явлением эллиптичность, предикативно-смысловая синкретичность высказывания, избыточность речи (повторы), конструкции наложения или интерференции и др.

Функциональные черты современного русско-китайского пиджина Забайкалья – диалогичность, спонтанность, динамичность, специфика речевой ситуации в общении на пиджине в условиях торговли, необходимость использования приемов речевого воздействия на адресата для достижения коммуникативной цели (продажа товара) влияют на его синтаксис, формируют его стилистические особенности.

Отражая общую тенденцию упрощения структуры во всех языковых уровнях, синтаксис забайкальского русско-китайского пиджина характеризуется построением простых предложений и рядом черт, среди которых распространены тенденция расположения предиката в конце предложения и функционирование сложных предикатов, представляющих собой сочетание двух предикативных наречий с модальным значением. Также стоит отметить предикативно-смысловую синкретичность и эллиптичность высказываний на пиджине.

В процессе общения на русско-китайском пиджине Забайкалья в условиях рыночной торговли, продавцами-китайцами используются различные коммуникативные приемы, которые способствуют достижению их коммуникативной цели – продаже товара. К таким вербальным коммуникативным приемам воздействия, актуальным в русско-китайском пиджине, относятся: утвердительные высказывания, выборочный подбор информации, воздействие на чувства и эмоции, апелляция к бренду.

Специфика речевой ситуации в общении на пиджине, необходимость использования приемов речевого воздействия на адресата диктуют в свою очередь употребление определенных языковых и речевых средств. Среди них: речевые штампы торгового узуса, качественная и сравнительная формы

прилагательных, указательные местоимения как дискурсивные элементы, эмоционально-окрашенные повторы, избыточность речи.

Помимо этого адресант в общении на пиджине широко использует паралингвистические средства общения: приемы интонационного воздействия (эмоциональность речи (экспрессия), речевая динамика (изменение тона, громкости речи)) и др.

Ситуативность речевого использования тех или иных языковых форм, жестикуляция, интонация, окружающий контекст в определенный момент речи позволяют избежать непонимания и, как следствие, коммуникативных неудач, как при обычном общении, так и при межэтническом.

Фразовые частицы *да, ма, а, ла* в своем функционировании в современном русско-китайском пиджине Забайкалья приобретают особенности, определяемые функционально-коммуникативными факторами. В формальном отношении отражая влияние языка-субстрата (китайского языка) и, соответственно, аналитического способа выражения как грамматических, так и лексических значений, эти частицы становятся актуальным средством оформления определенных коммуникативных стратегий в речевой ситуации торговли.

Следует отметить полиситуативность пиджина как коммуникативного средства, обширный словарный запас и некоторое усложнение его грамматики на сегодняшний день. Это, в свою очередь, дает возможность согласиться с китайским исследователем Ян Цзе, который предполагает, рассматривая складывающуюся сегодня политико-экономическую ситуацию между КНР и Россией и связанные с ней благоприятные социально-языковые условия, что процесс пиджинизации получит дальнейшее развитие.

С учетом того, что современный русско-китайский пиджин Забайкалья остается на сегодняшний день крайне малоизученным явлением, мы считаем необходимым продолжать работу с данной языковой формой, проводить фиксацию новых языковых фактов, что поможет нам осуществить в дальнейшем

более полный и детальный лингвистический анализ материала. Например, нами планируется очередной сбор устного материала, расширение методологической базы, а также исследование паралингвистических средств общения на пиджине, приемов интонационного воздействия. Кроме того, нами планируется исследование русско-китайского пиджина Забайкалья на материале речи русского этнолекта, что исследователями пока не производилось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Александров А. А. Маймачинское наречие / А. А. Александров // Русский филологический вестник, т. XII, 1884.
2. Андреева Л. С. Научный диалог Казанской лингвистической школы с западноевропейскими языковедами XIX-XX вв. / Л. С. Андреева // Лингвострановедческий аспект преподавания иностранных языков. – Казань, 2002. – Вып. 4. – С. 3 – 15.
3. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири : Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – Новосибирск, 2000.
4. Арсеньев В. К. По уссурийскому краю. Дерсу Узала. Ленинград, Лениздат, 1978 [и многочисленные другие издания].
5. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1989. – № 4. – С. 3.
6. Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920–50-е гг.): Монография / Е. Е. Аурилене. – Хабаровск: Хабаровский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации, 2003.
7. Багана Ж., Хапилина Е. В. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм / Ж. Багана, Е. В. Хапилина. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 128 с.
8. Беликов В. И. Древнейшая история и реальность лингвистических дендрограмм / В. И. Беликов // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Материалы к дискуссиям на межд. конф., ч. 1, М., «Наука», 1989.
9. Беликов В. И. Зигзаги лингвогенеза / В. И. Беликов // Языковые союзы Евразии. Тез. докл. конференции. – М., 2005.

10. Беликов В. И. Компаративистика и креольские языки / В. И. Беликов // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. – М. : Наука, 1991. – С. 100 – 107, 114 – 115.
11. Беликов В. И. Контактные языки на русской основе : общие сведения / В. И. Беликов, Е. В. Головкин // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. – Вып. 1: Северный регион / ред. В. М. Панькин. – М. : Азъ, 1994. – С. 279 - 286.
12. Беликов В. И. Лексические замены в креольских языках: анализ стословного списка / В. И. Беликов // Возникновение и функционирование контактных языков. Материалы рабочего совещания М., «Наука», 1987, с. 15 – 24.
13. Беликов В. И. Отзыв о статье Ян Цзе "Забайкальско-маньчжурский препиджин : опыт социолингвистического описания" [электронный ресурс] / В. И. Беликов // форум "Восточное полушарие". – 2008. – Режим доступа : <http://polusharie.com/index.php?topic=99606.0>
14. Беликов В. И. Пиджины и креольские языки Океании : социолингвистический очерк / В. И. Беликов. – М. : «Восточная литература» РАН, 1998. – 198 с.
15. Беликов В. И. Полевые методы в лексикографии / В. И. Беликов // II международный симпозиум по полевой лингвистике. Институт языкознания РАН, 23-26 октября 2006 года : тезисы докладов. – М., 2006.
16. Беликов В. И. Роль заимствований в становлении неомеланезийских языков / В. И. Беликов // Лексические заимствования в языках зарубежного Востока: Социолингвистический аспект. – М. : «Наука», 1991.
17. Беликов В. И. Русские пиджины / В. И. Беликов // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект: сборник статей. М. : МГУ, 1997. – С. 90 – 108.

18. Беликов В. И. Русский этнолект дальневосточного пиджина / В. И. Беликов // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов» : тезисы докладов и сообщений. – М. : «Наука», 1991. – Т. 1. – С. 26 – 29.
19. Беликов В. И. Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001.
20. Беликов В. И. Языковые контакты и генеалогическая классификация. / В. И. Беликов // Вопросы языкового родства. – М., 2009. – № 1. – С. 49 – 68.
21. Белл Р. Т. Социоллингвистика: цели, методы и проблемы / Р. Т. Белл. – М. : Международные отношения, 1980.
22. Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков (1901) / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 362 – 372.
23. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1987. – 159 с.
24. Брук С. И. Языки народов мира / С. И. Брук // Народы мира. Историко-этнографический справочник. – М., «Советская энциклопедия», 1988.
25. Бурлак С. А., Старостин С. А. Лингвистическая компаративистика / С. А. Бурлак, С. А. Старостин. – М.: «УРСС», 2001.
26. Бурлак С. А. Сравнительно-историческое языкознание / С. А. Бурлак, С. А. Старостин – М. : Академия, 2005. – 432 с.
27. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. В. Ю. Розенцвейг. Вып. 6. – М., 1962.
28. Ван Ли. Основы китайской грамматики / пер. с кит. яз. Г. Н. Райской, под ред. А. А. Драгунова и Чжоу Сун-Юаня. М. : Издательство иностранной литературы, 1954. – 262с.
29. Василенко Н. А. Русское население в Маньчжурии (конец XIX - начало XX в.) / Н. А. Василенко // Дальний Восток России в контексте мировой

истории от прошлого к будущему: материалы международной научной конференции 20.06.1996 г. – Владивосток. – Дальнаука, 1997. – С.165 – 171.

30. Вахтин Н. Б. Социоллингвистика и социология языка / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – СПб., 2004.

31. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Об одном неординарном следствии языковых контактов: язык алеутов о. Медный / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин // ВФКЯ, М., С. 27 – 30.

32. Верещагин Е. М. Вопросы теории речи и методики преподавания иностранных языков / Е. М. Верещагин. – М., 1969 – 89 с.

33. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. – М. : Изд-во МГУ, 1969б. – 160 с.

34. Вержбовский А. А. Основы всеобщей этимологической грамматики языков Земли / А. А. Вержбовский – Минск, 1969.

35. Веселое слово – пиджин (интервью с д.ф.н. Е. В. Головкин) [электронный ресурс] / Литературный кружок "Белкин". – М., 2011. – Режим доступа : <http://belkin-lit.com/past/belkin-lit.com/m571oe18.html>

36. Виноградов В. А. Идиом / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 171.

37. Виноградов В. А. Пиджины / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 374 – 375.

38. Виноградов В. А. Функционально-типологические критерии и генеалогическая классификация языков / В. А. Виноградов // Теоретические основы классификации языков мира: Проблемы родства. – М. : «Наука», 1982.

39. Виноградов В. А. Языковая ситуация / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 616 – 617.
40. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М., 1975.
41. Возникновение и функционирование контактных языков : материалы рабочего совещания / ред. В. И. Беликов. - М. : Наука, 1987. – 107 с.
42. Врубель С. А. Русско-китайские языковые скрещения / С. А. Врубель // Культура и письменность Востока, сб. VII–VIII, Москва, 1931.
43. Гавранек Б. К проблематике смешения языков / Б. Гавранек // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М. : Прогресс, 1972. – С. 94 – 111.
44. Гаврилова Т. О. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты (на материале русского языка). Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. / Т. О. Гаврилова. – Спб., 2002.
45. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация : учебник. 2-е изд. / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина – М. : ИНФРА-М, 2007. – С. 109.
46. Головин Б. Н. Введение в языкознание / Б. Н. Головин // Учебное пособие. – М., 1983. – С. 76 – 78.
47. Головкин Е. В. Материалы для изучения языка медновских алеутов. 1 / Е. В. Головкин // Лингвистические исследования: Проблематика взаимодействия языковых уровней. – Л., 1988 – С. 73 – 78.
48. Головкин Е. В. Материалы для изучения языка медновских алеутов. 2 / Е. В. Головкин // Лингвистические исследования: Структура языка и его эволюция. – М., 1989 – С. 67 – 74.
49. Головкин Е. В. Язык медновских алеутов / Е. В. Головкин // Языки мира: Палеоазиатские языки. – М., 1996. – С. 117 – 125.

50. Головкин Е. В. Языковые изменения и конструирование групповой идентичности / Е. В. Головкин // Вестник молодых ученых. Серия : Филологические науки. – СПб., 2001. – №1. – С. 3–10.
51. Гордеева С. В. К вопросу о языковой ситуации в китайском приграничье / С.В. Гордеева // Вестник Южно-Уральского государственного университета, 2014. Т11. – № 1 – С. 125 – 129.
52. Гордеева С. В. Русский язык в приграничном Китае, его роль в формировании языковой ситуации / С. В. Гордеева // Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале российского Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) / под. ред. Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2014. – С. 98 – 125.
53. Гордеева С. В. Русский язык в приграничном Китае: на материале речи русских переселенцев в Китай 20-40-х гг. XX в. и их потомков : дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / С. В. Гордеева. – Томск, 2015.
54. Горелов В. И. Стилистика современного китайского языка : учеб. пособие / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1979.
55. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка : учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранный язык». / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1989. – 318 с.
56. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение [Электронный ресурс] / Г. П. Грайс // Режим доступа: <http://kant.narod.ru/grice.htm> (Дата обращения 02.02.2012).
57. Грановская Л. М. Русский литературный язык в конце XIX–XX вв.: Очерки / Л. М. Грановская. – М. : ООО «Издательство Элпис», 2005. – 448 с.
58. Григорьев М. Приемы рекламного воздействия: психология воздействия на личность и группу [Электронный ресурс] / М. Григорьев // Режим доступа:

<http://www.psychological.ru/default.aspx?0a1=1027&0o1=0&0s1=0&p=82&s=0>
(Дата обращения: 15.01.2015).

59. Григорян Э. А. Свой-чужой / Э. А. Григорян // Русская речь. 1994. – № 3. – С. 62 – 69.

60. Гришина И. А. Забайкальский русско-китайский пиджин как специфическая языковая особенность Восточного Забайкалья / И. А. Гришина // Традиционная культура: региональный аспект. Сборник статей. – М., 2005.

61. Гусев В. Ю. История говорки (русского таймырского пиджина по лингвистическим данным) / В. Ю. Гусев // Русский язык в научном освещении. – 2013. – № 1 (25). – С. 135 – 157.

62. Гусев В. Ю. О происхождении некоторых элементов говорки (русского таймырского пиджина) / В. Ю. Гусев // Вестник ТГПУ (TSPU). – 2012. – 1 (116).

63. Давыдов А. Н. Руссенорск – арктический пиджин Европы / А. Н. Давыдов, В. Н. Пономаренко, А. А. Куратова // Возникновение и функционирование контактных языков : материалы рабочего совещания. – М., 1987. – С. 43 – 47.

64. Даль В. И. Пословицы русского народа, 1861–1862. (Цитируется по изданию 1984 г.: Москва, «Художественная литература» т. 1.)

65. Дешериев Ю. Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия / Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972. – С. 26 – 42.

66. Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории языка / Ю. Д. Дешериев. – М. : Наука, 1977. – 382 с.

67. Дешериев Ю. Д. Языки народов СССР / Ю. Д. Дешериев // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

68. Донских О. А. К истокам языка / О. А. Донских. – Новосибирск, «Наука», 1988.
69. Драгунов А. А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка / А. А. Драгунов. – 2-е изд. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1962. – 270 с.
70. Дьячков М. В. Креольские языки / М. В. Дьячков. – М. : Наука, 1987.
71. Дьячков М. В. Специфика процессов пиджинизации и креолизации языков / М. В. Дьячков // Вопросы языкознания. – 1988. – № 5. – С. 122 – 132.
72. Дьячков М. В. Язык ток-писин / М. В. Дьячков, А. А. Леонтьев, Е. И. Торсуева. – М. : Наука, 1981.
73. Дэн Цзе Родной диалект как основа фонетической интерференции в русской речи китайцев / Дэн Цзэ // Вестник МГУ. Серия 9: Филология, 2011. – № 4. – С. 194 – 202.
74. Дэн Цзе Позиционные закономерности русской фонетической системы «в зеркале» китайского языка : автореф. дис. ... канд. филол. Наук: 10.02.01 / Дэн Цзэ. – Москва, 2012. – 23 с.
75. Елоева Ф. А. К характеристике дальневосточного контактного языка / Ф. А. Елоева, Е. В. Перехвальская // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности : тезисы докладов 29 сессии Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). – М., «Наука», 1986. – Т. 2.
76. Елоева Ф. А. Проблемы языковой интерференции / Ф. А. Елоева, А. Ю. Русаков. Л. – Изд-во ЛГУ, 1990.
77. Жданова Н. А. Русско-китайский пиджин Забайкалья среди других форм современных контактных языков / Н. А. Жданова // Вестник БГУ. – Улан-Удэ, БГУ, 2014.
78. Жданова Н. А. Русско-китайский пиджин Забайкалья в коммуникативном аспекте // Вестник Московского университета. Серия 19.

Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2015а. – №4. – С. 108 – 115.

79. Жданова Н. А. Современный русско-китайский пиджин Забайкалья. Опыт синтаксического исследования / Н. А. Жданова // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А. П. Майоров. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013а.

80. Жданова Н. А. Черты упрощенной грамматики русско-китайского пиджина Забайкалья / Н. А. Жданова // Межкультурная коммуникация: аспекты дидактики. Материалы межвузовского научно-методического семинара 20 ноября 2015 г. – Улан-Удэ, 2015б.

81. Жданова Н. А. Экспансия именительного падежа в русско-китайском пиджине Забайкалья / Н. А. Жданова // Вестник молодых ученых «Ломоносов» (сборник статей авторов лучших докладов конференции «Ломоносов» – 2012). – М., МГУ, 2013б.

82. Жирмунский В. М. Проблемы социальной дифференциации языков / В. М. Жирмунский // Язык и общество. – М. : Наука, 1968. – С. 22 – 38.

83. Журавлев В. К. Родство языковое / В. К. Журавлев // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

84. Задоевко Т. П. Начальный курс китайского языка. Часть первая / Т. П. Задоевко, Хуан Шуин. – М., 2002.

85. Задоевко Т. П., Хуан Шуин Основы китайского языка. Вводный курс. 2-е изд., испр. / Т.П. Задоевко, Хуан Шуин. – М. : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 271 с.

86. Звегинцев В. А. Современная лингвистика – ее теоретические и практические задачи // В. А. Звегинцев. Мысли о лингвистике. – М., 1996.

87. Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность : монография. – 2-е изд., доп. / А. В. Зеленщиков. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 216 с.

88. Земская Е. А. Еще раз о языке русского зарубежья // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность / Е. А. Земская // Сб. статей. М., 1995. – С. 233 – 241.
89. Земская Е. А. Об угасании письменной формы русского языка в среде эмиграции / Е. А. Земская // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. – М. : РГГУ, 1999.
90. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – М., 2006.
91. Земская Е. А. Русская разговорная речь / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М., 1981.
92. Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема, слово, речь / Е. А. Земская. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 410 с.
93. Земская Е. А. Язык русского зарубежья: два полюса / Е. А. Земская // Язык. Культура. Гуманитарное знание: К столетию Г. О. Винокура / Под ред. С. И. Гиндина, Н. Н. Розановой. – М., 1999.
94. Земская Е. А. Язык русского зарубежья: проблемы нормы и речевого поведения / Е. А. Земская // Культурно-речевая ситуация в современной России / Отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург, 2000.
95. Иванов Вяч. Вс. Контакты языковые / Вяч. Вс. Иванов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 237.
96. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
97. Ивин, А. А. Основы теории аргументации: учебник / А. А. Ивин. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 352 с.

98. Игнатович Т. Ю. Забайкальские диалекты в условиях современных интеграционных процессов / Т. Ю. Игнатович // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 6. – С. 232 – 238.
99. Ильяшенко Т. П. Языковые контакты / Т. П. Ильяшенко. – М. : Наука, 1970. – 205 с.
100. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
101. Истомина О. Б. Билингвизм: социальная типология языковых контактов / О. Б. Истомина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. – № 1 (15). – Ч1. – С. 70 – 74.
102. Каверина В. В. Обучение русскому произношению лиц, говорящих на китайском языке (на основе сопоставительного анализа китайской и русской фонетических систем) / В. В. Каверина // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / Ред. Л. П. Клобукова, В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – Вып. 6. – С. 78 – 92.
103. Казьмина О. Е., Пучков П. И. Основы этнодемографии. Учебное пособие / О. Е. Казьмина, П. И. Пучков. – М. : Наука, 1994.
104. Карасик В. И. Дискурс / В. И. Карасик // Социальная психолгвистика. Сост. К.Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2007. – С. 96 – 124.
105. Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» / Ю. Н. Караулов. – М., 1991. – С. 4 – 11.
106. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

107. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dere.com.ua/library/kashkin/06.shtml> (Дата обращения 02.02.2016).
108. Кириллова Н. Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий. / Н. Н. Кириллова // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – С. 26 – 33.
109. Климов В. В. Языковые контакты / В. В. климов // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – 604 с.
110. Клонова О. Ю. Контактные языки на севере Европы: к вопросу о формировании руссенорска / О. Ю. Елонова // Материалы международной научной конференции «Культурное разнообразие в эпоху глобализации» 28 – 30 марта 2006. – Мурманск : МГПУ, 2006. – С. 83 – 86.
111. Клонова О. Ю. Упрощенные языковые системы и формирование пиджина (на материале русско-норвежских языковых контактов) / О. Ю. Елонова // АКД. – Спб., 2007.
112. Клонова О. Ю. Принципы номинации в редуцированных языковых системах / О. Ю. Елонова // XXXIV Международная филологическая конференция. Секция общего языкознания. – Спб., 2005. – С. 26 – 30.
113. Ключев Е. В. Речевая коммуникация : учеб. пособие для университетов и институтов / Е. В. Ключев. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – С. 255.
114. Кобозева И. М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности. М., – 1986.
115. Козинский И. Ш. К вопросу о происхождении кяхтинского (русско-китайского) языка / И. Ш. Козинский // Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки : тезисы докладов. (Дискуссия на расширенном

заседании филологической секции Ученого Совета Института востоковедения. Декабрь 1973). – М., «Наука», 1973.

116. Кондрашевский А. Ф. Практический курс китайского языка (тт. 1-2) / А. Ф. Кондрашевский, М. В. Румянцева, М. Г. Фролова. – М., 2005.

117. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование: учебное пособие / Г. А. Копнина. – М. : Флинта, 2008..

118. Коротков И. И. Китайский язык / И. И. Коротков, Ю. В. Рождественский, Г. П. Сердюченко, В. М. Солнцев. – М., 1961.

119. Костромина А. Е. К вопросу о современных русско-китайских языковых контактах на территории Забайкальского края / А. Е. Костромина // Материалы международной научно-практической конференции «Россия-Азия: Механизмы сохранения и модернизации этничности». – Улан-Удэ, 2008 г.

120. Кочергин И. В. Хрестоматия для чтения на китайском языке: учеб. изд.. 2-е изд., испр. 3. и доп. / И. В. Кочергин. – М. : Восток-Запад, 2004. – 494 с.

121. Креольские языки и пиджины [электронный ресурс] // познавательный портал Clow.ru. – Режим доступа : <http://jazyki.clow.ru/page/0100.htm>

122. Крысин Л. П. О некоторых особенностях двуязычия при близком родстве языков / Л. П. Крысин // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. – М., 2000. – С. 153 – 161.

123. Крысин Л. П. О перспективах социолингвистических исследований в русистике / Л. П. Крысин // Русистика. – Берлин, 1992. – № 2. – С. 96 – 106.

124. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – М., 1989.

125. Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка / В. А. Курдюмов. – М. : Военный ун-т, 1999. – 194 с.

126. Курдюмов В. А. Курс китайского языка : Теоретическая грамматика / В. А. Курдюмов. – М. : Цитадель-трейд, Лада, 2005. – 576 с.
127. Курдюмов В. А. Морфологический уровень китайского языка как изолирующего топикового. Сущность и содержание позиции частицы / В. А. Курдюмов // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2014. – № 1 (13). – С. 37 – 46.
128. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева, М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
129. Ли Сяндун Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков / Ли Сяндун // Вопросы филологии. – М., 2003 – № 2 (14) – С. 30 – 34 [Электронный ресурс] / Режим доступа : http://www.philology.ru/linguistics4/li_siandun-03.htm (дата обращения:15.03.2014)
130. Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – М. : Изд. АН СССР, 1961.
131. Ма На. Харбинский русско-китайский пиджин первой половины XX века и его влияние на русский и китайский языки и культуры / На Ма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : «Грамота», 2015.
132. [Максимов С.] На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах). Дорожные заметки и воспоминания С. Максимова. – Санкт-Петербург, 1864.
133. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика / А. Мартине // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 81 – 93.
134. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – М.: Флинта; Наука, 2001. – 312 с.

135. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Аспент-Пресс, 2000. – 207 с.
136. Михайлов М. М. Двужычие и взаимовлияние языков / М. М. Михайлов // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972. – С. 197 – 203.
137. Молчанова Г. Г. Вербальный символ и маркетинговые коммуникативные стратегии текста // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. – № 3. – С. 9-26.
138. Муратова З. Г. Понятие билингвизма и некоторые вопросы обучения иностранному языку / З. Г. Муратова // Лингводидактические исследования. – М., 1987. – С. 166 – 175.
139. Мусорин А. Ю. Лексика кяхтинского пиджина / А. Ю. Мусорин // Функциональный анализ языковых единиц. – Новосибирск, 2004. – С. 79 – 86.
140. Науменко С. В., Симатова С. А. Категория склонения и фразовые частицы как способы выражения модальности в языках разных типов. / С. В. Науменко, С. А. Симатова. – Чита, 2011. – Гуманитарный вектор. – № 4 (28).
141. Николаева Т. М. Коммуникативно-дискурсивный подход к интерпретации языковой эволюции / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания, 1984. – № 3. – С. 111 – 119.
142. Оглезнева Е. А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования / Е.А. Оглезнева // Русский язык в научном освещении. – 2009а. – Вып.16. – С. 119 – 136.
143. Оглезнева Е. А. Русский язык в Восточном Зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. / Е. А. Оглезнева. – Томск, 2009б. – 505 с.
144. Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания / Е. А. Оглезнева. – Благовещенск, 2007а.

145. Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: особенности функционирования и языковая специфика / Е. А. Оглезнева // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Т. 66. – 2007б. – № 4. – С. 35 – 52.
146. Оглезнева Е. А. Русско-китайское взаимодействие на Дальневосточных территориях России: Историко-лингвистический очерк / Е. А. Оглезнева // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / Под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : АмГУ, 2010 – С. 6-25.
147. Оглезнева Е. А. Территориально-хронологические варианты русско-китайского пиджина / Е. А. Оглезнева // Вестник АмГУ. Вып. 40. – Благовещенск: АмГУ, 2008а. – С. 72 - 76.
148. Оглезнева Е. А. Функционирование и языковые особенности русско-китайского пиджина на Дальнем Востоке в начале XX века (по материалам книги А. А. Кауфмана «По новым местам», СПб., 1905) / Е. А. Оглезнева // Филология. Сборник, посвященный 10-летию филологического факультета. – Благовещенск : АмГУ, 2007в. – С. 187 – 198.
149. Оглезнева Е. А. Явление грамматической интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей восточной ветви русского зарубежья) / Е. А. Оглезнева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008б. – Вып. 2. – Ч. II. – С. 279 – 286.
150. О границе между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на ее Восточной части // Коммерсантъ (Хабаровск). – 2004 г. – № 207 (3046).
151. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986.

152. Панова Р. С. Фонетическая интерференция в русской речи китайцев / Р. С. Панова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. – № 22. – С. 83-86.
153. Перелыгин А. И. Основные формы реализации языкового контакта / А. И. Перелыгин // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 3. – С. 200 – 204.
154. Перехвальская Е. В. Говорка – упрощение или усложнение? / Е. В. Перехвальская // Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. Спб., 2007. – С. 162 – 165.
155. Перехвальская Е. В. К проблеме слов с двойной этимологией / Е. В. Перехвальская // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН. Т. 2. – М. 1987.
156. Перехвальская Е. В. Проблема доказуемости результатов языковых контактов / Е. В. Перехвальская // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 21. Секция общего языкознания, Ч. 2, 1 – 17 марта 2001, 2001, С. 13 – 19.
157. Перехвальская Е. В. Руссенорск как пример начального этапа формирования пиджина / Е. В. Перехвальская // Возникновение и функционирование контактных языков : материалы рабочего совещания. – М., 1987. – С. 63 – 67.
158. Перехвальская Е. В. Русские пиджины / Е. В. Перехвальская. – М. : Алетейя, 2008.
159. Перехвальская Е. В. Русско-китайский пиджин и русский "интерязык". Труды института лингвистических исследований. Том IX, часть 3. / Е. В. Перехвальская. – Санкт-Петербург : Наука, 2013.

160. Перехвальская Е. В. Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура : автореф. дис. на соискание ученой степени док. филол. наук / Е. В. Перехвальская. – СПб., 2006.
161. Перехвальская Е. В. Словарь Сибирского пиджина / Е. В. Перехвальская.
162. Перехвальская Е. В. Языковые контакты и "прагматический код" / Е. В. Перехвальская // Лингвистические исследования. Социальное и системное на различных уровнях языка. – М., 1986. – С. 172 – 176.
163. Пиджин [электронный ресурс] / Сообщество "Филология" // Фонд знаний "Ломоносов". – 2010. – Режим доступа : <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127448>
164. Поливанов Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции? / Е. Д. Поливанов // Статьи по общему языкознанию. – М.: Гл. ред. восточной литературы, 1968. – С. 75 - 89.
165. Постнова Т. А. Современный забайкальско-маньчжурский пиджин как социокультурный феномен [Электронный ресурс]. / Т. А. Постнова. – Режим доступа : <http://interpret.me/library.php?pidgin> (дата обращения 15.06.2016).
166. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : «Рефл-бук», 2001. – 656 с.
167. Реформатский А. А. Введение в языковедение. Изд. 4-е. / А. А. Реформатский. – М. : Просвещение, 1967.
168. Рогозная Н. Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев / Н. Н. Рогозная. – Иркутск : Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. – 332 с.
169. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов / В. Ю. Розенцвейг // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М. : Прогресс, 1972. – С. 5 – 22.

170. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика / В. Ю. Розенцвейг. – Л. : Наука, 1972.
171. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: Монография. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 309 с.
172. Серебренников Б. А. О взаимодействии языков / Б. А. Серебренников // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С.7 – 25.
173. Серебренников Б. А. Языковые контакты / Б. А. Серебренников // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. – С. 285 - 298.
174. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О. Б. Сиротинина. – М., 1974.
175. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения / П. Е. Скачков. – М. : Наука, 1977.
176. Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков : научное издание / В. М. Солнцев. – М. : Восточная литература, РАН, 1995. – 352 с.
177. Солнцев В. М. Китайский язык / В. М. Солнцев // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 225-226.
178. Солнцева Н. В. Проблемы типологии изолирующих языков / Н. В. Солнцева. – М. : Наука, 1985. – 253 с.
179. Солнцева Н. В. Теоретическая грамматика китайского языка (Проблемы морфологии) / Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев. – М. : ВКИ, 1978. – 152 с.
180. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. Учебное пособие / Н. А. Спешнев. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1980. – 144 с.

181. Су Ж. Практический курс китайского языка. Разговорный практикум / Жуэцин Су, Луся Ван, С. П. Старостина. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 219 с.

182. Сундуева Д. Б. К вопросу о забайкальском русско-китайском пиджине Д. Б. Сундуева // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Кулагинские чтения». – Чита, 2007.

183. Тейлор Д. О классификации креолизованных языков / Д. Тейлор // Новое в лингвистике. – М. : «Наука», 1972. – Вып. VI.

184. Теоретические основы классификации языков мира / ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1980.

185. Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах, II – СПб. – 1824. – с. 180-181.

186. Томпсон Р. У. Заметка о некоторых чертах, сближающих креолизованные диалекты Старого и Нового Света / Р. Томпсон // Новое в лингвистике. – М. : «Наука», 1972. – Вып. VI.

187. Урманчиева А. Ю. Говорка: пример структурно смешанного языка // E. Protassova A., Mustajoki N. Vakhtin (eds.) Инструментарий лингвистики: Sociolinguistic approaches to the Non-Standard Russian. Helsinki: Yliopistopaino, 2010. – С. 188 – 209.

188. Урманчиева А. Ю. Следы говорки на Таймыре: образец фольклорного текста / А. Ю. Урманчиева // Лингвистический беспредел-2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. – М., 2013 – С. 101 – 113.

189. Философский энциклопедический словарь // редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-7. Оглы, Л. Ф. Ильичев [и др.]. 2-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.

190. Фофанова Г. А. Пиджинизация и креолизация как механизмы субкультурной интердетерминации диалогической самости / Г. А. Фофанова // Актуальные психологические исследования.
191. Хабиров В. П. Введение в контактную лингвистику : материалы для практических и самостоятельных занятий / В. П. Хабиров: Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005.
192. Хабиров В. П. Особенности формирования креолизованных языков Центральной Африки / В. П. Хабиров // Возникновение и функционирование контактных языков : материалы рабочего совещания / ред. В. И. Беликов. – М. : Наука, 1987. – С. 81– 84.
193. Хелимский Е. А. «Говорка» – таймырский пиджин на русской лексической основе / Е. А. Хелимский // Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. – М. : «Языки русской культуры», 2000.
194. Хелимский Е. А. «Русский говорка место казать будем» : (Таймырский пиджин) / Е. А. Хелимский // Возникновение и функционирование контактных языков : материалы рабочего совещания / ред. В. И. Беликов. – М. : Наука, 1987. – С. 84 – 92.
195. Хроленко А. Т. Теория языка. Учебное пособие / В. Д. Бондалетов, А. Т. Хроленко. – М., 2004. – С. 362 – 372.
196. Холл Р. А. Креолизованные языки и «генеалогическое родство» / Р. А. Холл // Новое в лингвистике. – М. : «Наука», 1972. – Вып. VI.
197. Цзе Я. Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социологического исследования / Я. Цзе // Вопросы языкознания. – М., 2007. – № 2. – С. 67 – 74.
198. Цыбденова Б. Ж. К вопросу о языковой ситуации / Б. Ж. Цыбденова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 14. – С. 219 – 222.
199. Черепанов С. И. Кяхтинское китайское наречие русского языка / С. И. Черепанов // Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности. – Спб., 1853. – Т. 2. – Вып. 10. – С. 370 – 377.

200. Черногрудова, Е. П. Основы речевой коммуникации: учебное пособие / Е. П. Черногрудова. – М. : Изд-во «Экзамен», 2008. – 126 с.
201. Шаззо А. А. Лингвистические приемы воздействия на адресата продовольственной рекламы : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / А. А. Шаззо. – Майкоп, 2008. – 22 с.
202. Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику / А. Я. Шайкевич. – М. : Российский открытый ун-т, 1995.
203. Шишков А. С. Опыт рассуждения о первоначалии, единстве и разности языков, основанный на исследовании оных / А. С. Шишков // Изв. Рос. Академии. СПб., 1817. – Кн. 5.
204. Шпринцин А. Г. Архивные материалы 1928–1938 гг. по «русско-китайскому диалекту»: Гос. публ. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, ф. 1200.
205. Шпринцин А. Г. Китайско-русский диалект в освещении С. А. Врубеля / А. Г. Шпринцин // Революция и письменность. 1–2. – Москва, 1932.
206. Шпринцин А. Г. О заимствовании китайской речью русской лексики / А. Г. Шпринцин // Страны и народы Востока. – М., 1972. – Вып. 13. – кн. 2.
207. Шпринцин А. Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке / А. Г. Шпринцин // Страны и народы Востока. – М., 1968. – Вып. 6.
208. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. – М., 1950.
209. Шухардт Г. Маймачинское наречие / Г. Шухардт // Русский филологический сборник. – Варшава, , 1884. – Т. XII – № 4 – С. 318 – 320.
210. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М., 1957.
211. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л., 1974. – С. 313 – 318.
212. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. – М., 1980.

213. Этнический состав населения СССР, континентов и стран // Народы мира. Историко-этнографический справочник. – М., «Советская энциклопедия», 1988.
214. Юри, У. Преодолевая НЕТ, или Переговоры с трудными людьми / У. Юри. – М. : «Наука», 1993. – 128 с.
215. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм : «за» и «против». – М., 1975. – С. 193 – 230.
216. Языкознание: Большой энциклопедический словарь // гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
217. Belikov V. I., Perekhval'skaya E. V. Russian-Norwegian po reconsidered // J. of Pidgin and Creole Languages. Vol. 4, no. 2, 1989.
218. Broch I., Jahr E. N. Russenorsk – et pidginsprek i Norge (Tromsш-studier i sprekviteskap, III). Oslo, Novus Forlag, 1981.
219. Broch O. Russenorsk, Archiv fьr Philologie, 41, 1927
220. Broch O. Russenorsk tekstmateriale, Maal og minne, Heft 4, 1930.
221. Golovko E. V., Vakhtin N. B. Aleut in contact: The CIA enigma // Acta Linguistica Hafniensia. Vol. 22, 1990.
222. Jablonska A. Jesyk mieszany chinsko-rosyjski w Mandzurii [Текст] / A. Jablonska // Przegląd orientalistyczny. Warszawa, 1957. № 2 (22). С. 157 – 168.
223. Lunden S. S. Russenorsk revisited // Meddelelser, no. 15, 1978.
224. Perekhval'skaya E. V. The Bikin-river Sprachbund (Eastern Siberia). Sprache 23. Jahrestagung und Kognition der Deutschen Gesellschaft fur Sprachwissenschaft 28.02-02.03.2001, Universitaet Leipzig.

225. Stern D. Taimyr pidgin Russian (Govorka) // Russian Linguistics. Vol. 29. 2005. № 3.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отрывки из диалогов на пиджине

1. (2010-2011) Россия, РБ, Улан-Удэ.

1) кит. “Я говоли: «Салалка нада!». Они не понимать – они говоли: «Молодой человек, вы чё надо?»»

2) рус. “А это рубль сколько?” кит. “Пять ноль ноль.”

3) рус. “Ты тоже хочю официант?” кит. “Кто? Я?.. Это куша – весь день много – я вижу: холошо...”

4) рус. “Китай-друг не хочю!” кит. “Надо лусский длуг, да? // Щас бэйби нету. Бэйби есь – муж – во – нету. Ты один. Че бэйби?.. Муж нету... // Лусский много – я знаю.”

5) рус. “В субботу утром поеду – Люда папа надо... Люда папа хочю.”

2. (23.10.12) Китай. Маньчжурия. Рынок. (5-6 вечера).

Запись 1

кит. - Надо кофты?

рус. - Кофта мужская, теплая...

кит. - Вот эта ма толстый пожалуста.

рус. - Сколько стоит?

кит. - Сто восимисят.

рус. - Сто восемьдесят?

кит. - Да. Толстый, холоший. Какой лазмел нада?

рус. - Ой...

кит. - Больша есь.

рус. - А... это какой размер?

кит. - Ты лусска какой лазмел нада?

рус. - Но это не мне надо!

кит. - А?

рус. - Мужчине надо.

кит. - Мужчина нэ... солок восема.

рус. - Сорок восемь? Эта сорок восемь, да?

кит. - Аха. Солок восем - пиисят. Писят товал тож есь. Писят - товал болшая, шесяпять... Не, похожа моя?

рус. - Ха-ха.

кит. - Чучуть больша?

рус. - Чуть... меньше... Ой, не, почему - такой, но!

кит. - Эта пойдет, мхм.

...

рус. - Эта сколько стоит?

кит. - Эта сто писят юаней. Какой нада?

рус. - Нет, пока я смотрю.

кит. - Можна дешевле. Эта толстыйа. Толстыйа.

рус. - Нет - очень толстый. Меньше толстый я щас посмотрю.

кит. - А, чучуть поменьше нада? Потоньше нада?

рус. - Потоньше, но!

кит. - Вот эта?

рус. - Черный.

кит. - Селый есь. Селый, синий... Синий тож есь. Эта. Аха. Вот эта ты какой лазмел нада?

рус. - На меня чтоб налезло. Сорок э... Как она... Сорок четыре!

кит. - Солок четыле, да? Холошо...

...

кит. - Какой? Вот эта можна? А, девушка? Вот эта пойдет лазмел. Я помелю, ты смотли...

рус. - Я не услышала: есть сорок четыре?

кит. - Есь!

рус. - Есть...

кит. - Холошо? Еще больше есь.

рус. - Не, не надо.

кит. - Какой нада?

рус. - Щас я посмотрю!

кит. - Вот эта? Чучуть больше - чучуть.

рус. - Не, не надо, не надо

кит. - О, эта не нада... Адидаса!

рус. - Адидас?

кит. - Да.

- рус. Сколько?

- кит. Сто пият! Холошо?

- рус. Дорого!

- кит. Ты почём хочеша? Подешевле? Почём хочеша? А? Ты почём хочеша?

Запись 2

рус. - Сколько стоит?

кит. - Такой ла? Такой же холоший. Качесва холоший.

рус. - Ну, хороший - потрогай... Как-будто бы...

кит. - Лазный лазмел. Очень класивый а. Нада?

рус. - Мне нет.

кит. - Посмотри. Посмотри. На - качесва холоша.

...

кит. - Очень. Очень а качесва холоша да.

рус. - Триста пятьдесят, да?

кит. - Да-да-да.

кит. - Тебе, куня, то есь. Помель а? Тебе нада куня? Теплый селый есь.

рус. - А че триста пятьдесят-то?

кит. - Помель пока.

рус. - А за триста-то нельзя?

кит. - Это оптом цена тлиста пятьдесят. Такие тоже четылеста лубли давай.
Помель...

кит. - Куня! Тебе нада?

рус. - Теплый селый то есь, аха, куня?

кит. - Ой, замок дурацкий какой. - Качество хороший... - Ой, не-не-не! Я не буду с замком мучиться так долго!

рус. - Не-не-не-не-не! Не-не-не.

кит. - Куня, замок холоша!

рус. - Но если он не работает - я че его каждый раз так застегивать буду, что ли?

рус. - Ладно, как сделаете замок, мы к вам на обратном пути зайдем.

кит. - Помель а?

рус. - Не, не буду мерить. Не буду мерить, спасибо.

рус.- Мы зайдем еще потом!

Запись 3

кит. - Больша есь, лазмел лазны!

рус. - Сколько стоит?

кит. - Тлицать пять юаней. Еще кофта тож есь.

рус. - А ты кому хотела? (рус. - Сережке.)

кит. - Сережке нада, да? Скока лет, скока лет, а?

рус. - Он маленький.

кит. - Больша есь!

рус. - Годик! Годик ему! - Один год.

кит. - Такие лазмел можна? Такие можна?.. Как лаз.

кит. - Это холоша - шелсть холоша! Видите - не катывается. Это стилать можна-очень холошо.

рус. - А вместе с кофтой сколько будет стоить?

кит. - Вместе кофта - восемьдесят пять юаней.

кит. - Таки еще поменьше есь.

рус. - Че за пятьдесят юаней отдадите?.. За пятьдесят юаней отдадите?

кит. - Один блюки - тлицать пять юаней, а!

рус. - Ну вот - и больше нету у меня в юанях все закончилось.

кит. - Ты че - ты нада семисят юань давай - это костюм. Такой, да? Годик - точно нолмално, холошо... Точно - это шелсть холошо по семисят юаней.

рус. - А это что такое?

кит. - Это замотька! Это волотник так тоже можна... Семисят юаней.

рус. - Ох, семьдесят нету у меня юаней! Вот у меня, говорю, есть пятьдесят юаней...

кит. - Это еще сто, сто лубли поищи, сто лубли!

рус. - Пятьдесят пять...

кит. - Еще сто лубли!

рус.- Че за пятьдесят семь отдадите юаней?

кит. - Ай, семисят юань... Это восемьсят пять - питнацать подали - по семь, по семисят - писят юань, еще сто лубли можна? Еще сто лубли. Пятьдесят...

рус. - Сто? Не надо тогда...

кит. - По шесят юаней! Еще, еще, еще, еще чучуть давай (нрзб)

рус. - Шестьдесят? У меня пятьдесят семь - еще три юаня. Три юаня скиньте мне - шестьдесят семь!.. Ааа... Ой, пятьдесят семь.

кит. - Зачем куня маленькая - нету, тебе - тоже нету?!

рус. - Так щас я положу...

кит. - Еще длугую не хочешь э? Носотьки хочешь э, маленька...

рус. - Деньги нету! (*хаха*)

кит. - Деньги нету ла! (*хаха*)

Запись 4

кит. - Тлиста тлинацать юаней.

рус. - Ой, не - это дорого. Это че... полторы тысячи получается.

кит. - Штолы, тюль вместя!..

рус. - Я понимаю, что вместе.

кит. - Всё готовы!.. С тли метла тюль скока?

рус. - Нет, спасибо.

кит. - Подождитя, не торопись, я посчитаю!

рус. - Я думала, они комплект двести, ой, сорок стоят... Я не думала, что они... Вы же не сказали, что они за метр стоят.

кит. - Штолы один метла.

рус. - Я думала, они комплектом идут.

кит. - Куня! Если нада тыся двести - лана - камлетка, лубли. Все готовы...

рус. - Сколько?

кит. - Тыся двести лубли.

рус. - Не, тыща двести мы в России купим комплект...

кит. - В Лоссии такая цена - тли тысячи, если купить, я тоже подалок вам!

рус. - Нет, спасибо.

кит. - В Лоссии такая цена тли тысячи штолы низя!

кит. - Сколько хочешь, куня? Говоритя!

рус. - Не-не-не, мы вас неправильно просто поняли.

кит. - Тыся двести лубли комплек, куня!..

рус. - Не-не...